

Юлия Фирсанова

Божественные маскарады

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Юлия А. Фирсанова
Божественные маскарады
Серия «Джокеры – Карты Творца», книга 6

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3946185
Божественные маскарады: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1247-1

Аннотация

Новогодье в разгаре! Большой уличный карнавал, торжественное явление семьи народу, Дикая охота, Праздник Лозы, турниры, состязания менестрелей, грандиозные королевские балы-маскарады... Вихрь развлечений подхватил и несет богов. В бесконечном его кружении так сложно угадать, кто скрывается под личиной – родич, друг, враг или возлюбленный? Но только сбросив маски, можно обрести счастье и любовь! Элия и Нрэн вот-вот поймут эту простую истину. А Повелитель Межуровня немного приблизится к пониманию загадочной женской души.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	45
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юлия Фирсанова

Божественные маскарады

Пролог

Новогодье в Лоуленде. Если и есть в мирах более пышные, потрясающие воображение праздники, повергающие весь народ в пучину безумного веселья, то автору об этом ничего неизвестно. Источнику Лоуленда тоже, как раз сейчас бедолага пытался выкроить немножко времени и оторваться от пристального наблюдения за многочисленными членами безумной семейки короля Лимбера. Боги нагрянули домой с благой целью поучаствовать во всех официальных и неофициальных мероприятиях, которые способно изобрести воображение. Источнику требовалось выкроить время для того, чтобы сочинить и послать истребованный Судом Сил доклад-хронику о происшествиях, случившихся за истекшее семидневье праздников. Казалось бы, семь дней должны были быть относительно мирными и спокойными, ибо время боги проводили в семейном общении. Ой, должно, да всем простило.

«Дурдом!» – именно этим емким словом могли бы начать и кончить доклад бедные Силы, однако же они старательно корпели над подробностями.

«Итак, – решительно наметил начало доклада в верха Источник, – все началось с того, что на Новогодье в гости к Элии нагрянул Злат, Повелитель Межуровня. Тот самый Повелитель Путей и Перекрестков, монстр, повелевающий всеми тварями Бездны. Хотя, с другой стороны, именно он и спас богиню от нападения серого демона, материализовавшегося из книги в библиотеке. Демона, из-за явления которого Источник отправил жалобу в Суд Сил».

Пофилософствовав о причинах, следствиях и относительности определения злодейства, Силы продолжили строчить донесение, отчаянно балансируя между природной правдивостью и желанием выгородить своих подопечных. Демон-то оказался лишь «первой вороной» неприятностей. Бедняжку Элию после его нападения ждало еще несколько ужасных происшествий: ее случайно едва не прибил кинжалом брат Кэлберт, метавший оружие в мишень, а стрела бога охоты Энтиора чуть не изуродовала лицо. А о случае во время фейерверка даже вспоминать не хочется, а придется. И все эти неприятности шли вкуче с обычным бедламом Новогодья, дурацкими обетами, которые каждый бог дал во время карточной игры в «Колесо Случая», и вдобавок ко всему – мрачной миной воителя Нрэна, за которым устроила охоту богиня любви!

Источник издал мысленный эквивалент человеческого вздоха и вернулся к трудам эпистолярным.

Глава 1

Об опасностях признания

*Я поэт, зовусь я Цветик.
От меня вам всем приветик!*
м/ф «Приключения Незнайки»

Настроение – сложная штука. То оно есть, а то его нет...
м/ф «Смешарики»

*Если подумать, то всегда окажется, что бывают вещи и похуже
твоих нынешних неприятностей.*
Н. Андрэ. Проклятие эльфов

Утро второго семидневья Новогодья стремительно ворвалось в спальню принцессы с радостным воплем Рэта: «Прекрасное утро, королева моя дорогая!»

Шпион щелкнул по кончику носа маленького сердитого пажа, пытавшегося преградить ему путь, подлетел к кровати принцессы и, плюхнувшись на край ложа, объявил, потрясая в воздухе небольшой пачкой каких-то листочков:

– Я принес тебе подарок!

Отсыпаящаяся после вчерашней многочасовой экскурсии по городу и интенсивных занятий в тренировочном зале с Итвартом (бог войны с каждым уроком все более увеличивал нагрузку и немилосердно гонял свою ученицу), принцесса приподнялась на локте и хмуро посмотрела на Грея. Богиня не на шутку задумалась, убить ей негодника прямо сейчас или подождать, пока он расскажет, зачем явился.

Паж, сердито сопящий в дверях, поспешил смыться из комнаты. Он решал не менее важную проблему: сильно ли достанется ему за то, что опять позволил этому наглому типу проникнуть в спальню госпожи? Но попробуй не позволяй! Ведь длинноносый проныра Рэт ни у кого не спрашивал разрешения и, казалось, был способен проскользнуть в помещение даже через замочную скважину, залитую воском.

Сменив гнев на милость при виде уморительной гримасы горящего энтузиазмом Грея, принцесса перекадилась на бок, подперла голову кулачком и буркнула:

– Что? У тебя есть десять секунд на то, чтобы сделать устные распоряжения перед смертью.

– Ах, любовь моя, лучше я потрачу их на то, чтобы доставить тебе удовольствие. Слушай! – провозгласил мужчина и, усевшись поудобнее, с чувством продекламировал:

В каземат дракона я
Притащил из леса.
Пусть он дохлый, все равно
Было интересно!

– И смотри! – Грей сунул под нос хихикающей принцессы один из листочков с карикатурой. Несколько скупых штрихов на бумаге складывались в мужскую фигуру в изящном камзоле и кружевной рубашке, нежно сжимающую в объятиях дохлую животинку. Брезгливо-надменную физиономию Энтиора нельзя было не признать. Шарж вышел отменный.

Хихиканье Элии стало громче еще и потому, что она узнала руку художника. Теперь авторство забавного пасквиля не вызывало никаких сомнений. За старые проделки принялся барон Оскар Хоу¹, взяв в подручные герцога Лиенского. Впрочем, могло быть и наоборот...

– Прелестно, – ухмыльнулась принцесса.

– Это еще не все, королева моя дорогая, – радостно объявил Рэт и широким жестом игрока, выкладывая карты на стол, бросил перед богиней на одеяло остальные листки.

Как правило, за честь доставить самые свежие сплетни принцессе велось самое настоящее соревнование. С переменным успехом в нем лидировали Рэт и Рик. Но сплетню, которую принес сегодня шпион, никто другой, похоже, просто не осмелился бы донести, опасаясь непредсказуемой реакции богини.

Усевшись на ложе поудобнее, Элия принялась читать памфлеты, написанные все тем же намеренно корявым слогом в великолепно выдержанном духе нескладух о ребячьих проделках богов. Зловещие рекомендации любовнику относительно скорейшего составления завещания были благополучно позабыты.

Копаясь в сатирических стихах о членах королевской семьи Лоуленда (особенно пристального внимания автора удостоились личная жизнь, привычки и сексуальные наклонности принца Энтиора), Элия обнаружила и описание недавнего происшествия, правда, без занимательной сопроводительной картинки:

Как-то Рик гулял по саду,
Фейерверки зажигал.
Все сияло и блистало,
Шарик в Элию попал!
Платье факелом пылает,
Где спасенье? Водоем!
И вопрос всех занимает:
Уцелело ли белье?

Весело рассмеявшись, принцесса еще раз заметила:

– Забавно! Спасибо, Рэт.

– Всегда пожалуйста, королева моя дорогая, обожаю женщин, с таким удовольствием читающих гадости о самих себе и своей семье, – от всего сердца заверил любовницу шпион.

– И много у тебя таких дам на примете, дорогой мой? – выгнула бровь принцесса.

– Ты единственная и оттого самая обожаемая, – торопливо заверил любовницу Грей, знакомясь с содержимым вазы на столике в изножье постели.

– Даже более обожаемая, чем шоколад? – вполне натурально удивилась богиня.

– Конечно, – убежденно констатировал бог, шелестя оберткой конфеты, и развил теорию: – Посуди сама, шоколадку можно съесть и ее не будет, а ты владелица множества вазочек, которые наполняются сладостями с похвальной периодичностью.

– Логично, – одобрила принцесса умозаключения любовника.

– Между прочим, белье уцелело? – уточнил умирающий от любопытства шпион.

– Местами, – мрачновато усмехнулась Элия, вспомнив инцидент на фейерверке, когда магический шарик-фаербол брата лишил ее всего туалета разом, а потом все-таки расхохоталась от души, представив, как выглядело со стороны ее божественное явление из озерных вод, куда отправил подругу спаситель герцог Лиенский: злая, чумазая, мокрая, в обрывках одежды – богиня любви – просто карикатура на саму себя...

¹ Оскар Хоу – барон. Некогда бог сатиры, убитый Энтиором и возродившийся в теле программиста урбомира Сейт-Амри, Крега Кискорхоу. Воспоминания о прошлой жизни к человеку вернулись благодаря действиям лоулендских богов.

– Кстати, об этих бумажках, – кивнул на листочки с картинками Рэт, жуя конфету. – Стиль весьма узнаваем, да и круг свидетелей более чем узкий, даже меня на ваше семейное шоу не приглашали. Готов держать пари, отличился экс-барон Хоу! Малому снова надоело жить? Любой из твоих братьев легко может решить эту маленькую проблему. Скорее всего, именно этим большая часть твоих родственничков захочет заняться, как только листочки попадутся им на глаза. Энтиор уж точно! И еще один мелкий вопросик, королева моя дорогая. Оскар обрел в скитаниях по инкарнациям талант графика? Если нет, значит, твоему клыкастому брату придется марать руки дважды.

– Нет, – твердо отрезала богиня. – Мальчишки меня развлекают, так что Энтиору придется пострадать во имя искусства.

– О?! Тебе знаком и художник? – Глаза шпиона заискрились неподдельным интересом.

– Руку сложно не узнать, – отметила принцесса, постукивая пальчиком по карандашным наброскам. – Герцог Элегор Лиенский – талантливый график и скульптор, отлично режет по камню, но скрывает свои таланты от общества. Стесняется, наверное.

– Это он-то стесняется? – недоверчиво фыркнул Рэт и заметил уже серьезно: – Парень явно нарывается на неприятности. Эти выкрутасы не доведут его до добра.

– Пусть решает сам, уже не маленький, – пожала плечами богиня, давая понять Грею, что личная жизнь и характер Элегора – не повод для сплетен и пустой болтовни.

– И советов все равно не слушает, – задумчиво согласился собеседник, зная, как любит герцог рискованные предприятия и ненавидит расчетливую осмотрительность.

– Много такого в городе? – Принцесса взмахнула стопкой бумажных листов.

– Да уж немало, – снова невольно ухмыльнулся шпион. – Мальчишки-газетчики почти в открытую проходим суют, да и наклеено бумажек в городе прилично, если не на каждом фонаре, то через один как минимум. А вчера еще все было чисто. Чья-то частная типография, наверное, всю ночь печатала. Может даже, и не одна.

– Какая работоспособность! – сыронизировала богиня, думая о том, что Элегор и Оскар удачно выбрали время для своей каверзы: Дикая охота и обычно следовавшая за ней пирушка лишили принцев возможности оперативно отреагировать на появление памфлетов и пресечь в зародыше их распространение. Теперь-то, когда писанина разлетелась по городу, предпринимать что-либо кардинальное было поздно. Оставалось только вслух смеяться вместе со всеми над остроумными стишками и мстить втихую, обождав, пока улягутся страсти.

«Значит, времени на то, чтобы довести до родичей мои пожелания, хватит», – решила принцесса как раз так, как хотел и из-за чего спешил Рэт. Вслух о мотивах его поступка не было сказано ни слова, но оба прекрасно знали, о чем промолчали. Грей понимал, что просить за поэта глупо, но Элия – умная женщина, поэтому сделает правильные выводы.

В то время, когда недовольную богиню будил Грей, принесший прелюбопытные вести, ее родичи еще и не думали ложиться спать. Традиционная пирушка после Дикой охоты была в самом разгаре. Тесная компания отмечала удачное развлечение, в котором принимали участие практически все члены семьи, за небольшим исключением. (Принц Лейм наотрез отказывался от подобных мероприятий, руководствуясь морально-этическими соображениями, а Тэодер, Ноут и Ментор хоть и выезжали вместе со всеми, но «охотиться» предпочитали отдельной компанией.)

Так что в гостиную Рика набилось достаточно родственников, шумно обсуждающих собственные успехи на Дикой охоте. Довольно улыбался Энтиор, расположившись в кресле, облизывая клыки и любуясь уже подсыхающими пятнами крови на кипенно-белом кружеве рубашки. Одежда принца, несмотря на бурно проведенное время, если не считать кровавых следов, сохраняла свой элегантный и чистый вид, в отличие от одеяния большинства его братьев. На диване, жмурясь, как два сытых кота, вольготно развалились Рик и Джей. Жесткая

ухмылка гуляла по губам Кэлберта, поигрывающего каким-то замысловатым украшением из ярких кроваво-красных рубинов. Вовсю налегали на еду Элтон и Кэлер, они за компанию присоединялись к братьям во всех начинаниях. С бокалом вина в руках задумчиво улыбался эстет Мелиор, чья лень не распространялась на развлечения типа охоты. Радостно скалился Лимбер, оглядывая своих многочисленных отпрысков, даже Нрэн был здесь, какой-то тихий и странно умиротворенный, может быть, потому, что в очередной раз смог доказать самому себе и так очевидный постулат о способности великого воителя совладать с любым существом во Вселенной, кроме собственной кухни.

Расторопные слуги Рика метались туда-сюда, пополняя быстро уменьшающиеся запасы провизии на живых столиках, которые сновали по комнате между принцами, шустро перебирая ножками. После Дикой охоты – весьма интенсивного вида спорта по-лоулендски – у его участников (тех, естественно, кто оставался в живых по воле Судьбы и Случая) разгорался просто зверский аппетит. А батареи пустых бутылок росли с такой быстротой, что уже сейчас численностью вполне могли претендовать на звание армии небольшого захолустного королевства. Откупоривая очередные бутылки, братья провозглашали тост и вновь продолжали шумно обсуждать свои «спортивные» достижения.

– Ты, Энтиор, не прав, я тоже хотел ту белокурую малышку. Почему ты не оставил ее мне? – нахмурился Джей, как всегда после нескольких бутылок вспоминая обо всех нанесенных в последнее время обидах, мнимых и настоящих. После второго десятка бутылок начинали припоминаться обиды давние.

– Извини, увлекся, – небрежно взмахнул рукой вампир, задумчиво разглядывая пару капель запекшейся крови под ногтями – все, что осталось от белокурой малышки.

– Мог бы тогда уступить мне очередь, – пробурчал принц.

– Но тогда она уже не понадобилась бы мне, – пожав плечами и задумчиво улыбнувшись, с видом гурмана резонно пояснял Энтиор. – Я люблю эту дивную сладкую кровь нетронутой невинности. Она так вкусна...

– В следующий раз не забудь о том, что ты не один на охоте, – предупредил Джей.

– Ладно, – охотно согласился вампир, добавив в свое оправдание: – Просто эта малышка оказалась чересчур слаба. Не придирайся, на твою долю перепало достаточно другой добычи.

– Ну и что? – обиженно запыхтев, резонно возразил собеседник. – Я хотел еще и эту.

– Эй, парни, хватит собачиться, будете в тренировочном зале отношения выяснять, если захотите, – встрял Кэлер. Считая эту трапезу завтраком, он еще и изрядно набивал желудок, поэтому пьянел медленнее остальных. – Бокалы уже пусты! Наливайте по новой! Нрэн, твоя очередь говорить тост.

Почему-то оживившись, Рик и Джей быстро перемигнулись. Нрэн деловито кивнул, встал, секунду помедлил, поднял вверх бокал с вином и провозгласил:

– Один философ из мира, далекого от нашего, написал в своем трактате: «Жизнь и смерть – одна ветвь, возможное и невозможное – одна связка монет». Так давайте пожелаем, чтобы цветы смерти на ветвях жизни распускались только для наших врагов, а в связке желаний невозможным становилось лишь то, исполнение чего несет беду нам самим.

– Сильно сказано, – уважительно кивнул Кэлер, осушив залпом свой бокал.

– Вот это да! Нрэн, куда до тебя Ментору, ты непременно должен написать философский трактат! – радостно подтвердил Джей, взметнулся с дивана и, подлетев к воителю, хлопнул его по плечу. Размахивая руками и мельтеша перед носом Нрэна, принц затараторил: – Пиши, а Рик поможет тебе издаться! Здорово?

– Помогу, а что? Дело выгодное! За одно имя народ платить будет! – ухмыльнулся рыжий, опорожня свой бокал. – Только Элию придется изолировать на весь период творче-

ства нашего кузена. Она дурно влияет на его красноречие. Я думаю, тут все дело в циркуляции крови по различным органам тела...

Нрэн метнул в сторону бога, излишне распутившего язык, грозный предупредительный взгляд и положил руку на пояс у меча. Рик тут же заткнулся и пожал плечами с видом оскорбленной невинности: «А я что, я ничего, сию тут такой хороший, добрый совет даю. Не хочешь, не слушай!»

Пока Нрэн и Рик играли в гляделки, принц Джей продолжал кружиться вокруг кузена, бурно жестикулируя и доказывая наличие у последнего недюжинного литературного таланта. Родичи, ухмыляясь, наслаждались бесплатным концертом.

Оставив в покое присмирившего Рика, Нрэн буркнул Джей: «Уймись», отстранил суматошного бога воров и сел, пригубив наконец свое вино. Ничуть не оскорбленный такой реакцией, белобрысый проныра поспешил вновь плюхнуться на свое место рядом с рыжим братом. При этом друзья довольно перемигнулись, и Джей незаметно для других сложил пальцы левой руки в старинном жесте темной братии «дело сделано».

– Слушай, Кэлберт, – намеренно отвлекая внимание родственников от сурового воителя, обратился Рик к мореходу, – давно хотел спросить. Что это за штучка с рубинами у тебя в волосах? Ты ее всегда на Дикую охоту надеваешь. Небось какой-нибудь пиратский трофей?

Принц хмыкнул и, по-волчьи оскалившись, ответил, тронув гроздь мелких, но прекрасно ограненных рубинов в переплетении серебряной проволоки:

– Пиратский, но не трофей. Это знак отличия капитана корсаров, который символизирует определенные заслуги при взятии корабля на абордаж...

– Убийство врагов? – деловито уточнил Нрэн. В компании родичей он сейчас чувствовал себя на удивление раскованно. По телу разливалось приятное тепло, и что-то вроде легкой щекотки ощущалось в груди, наверное, от выпитого вина.

– Нет, убийство противников при абордаже отмечается изумрудами, а рубины – женщины, которых я поимел, захватив судно. – Кэлберт машинально поигрывал украшением. – Число камней в заколке – это количество врагов или баб.

– Да, Элия такую штучку с рубинами лучше не показывать или не объяснять ее происхождение, – ухмыльнувшись, встрял Джей.

– Она не баба, она моя сестра, – резко, почти агрессивно бросил пират. – И она понимает все, что я делаю, и не станет бороться с тем, что является частью моей сути. Да меня поднимут на смех корсары всего вольного братства Океана Миров, если узнают, что Кэлберт Лоулэндский больше не носит свои рубины.

– Элия все понимает, – утвердительно качнул головой Кэлер и, обглодав окорок индейки, потянулся за следующей порцией.

Энтиор полюбовался запекшейся кровью на руках и умиротворенно кивнул, соглашаясь со словами братьев.

– Кэлберт, а где ж ты находишь в Океане столько баб? – с пьяной серьезностью принялся выяснять Элтон, в душе которого неожиданно разыгралась тяга летописца к уточнению подробностей. – Ведь их, по-вашему, и одну в плавание брать – дурная примета, а на твоей заколке – точно больше дюжины.

– Гаремы, рабыни, яхты для развлечений, – хмыкнул пират. – Да мало ли чего еще. Богатые дураки часто тащат с собой кучи хлама. Есть такие миры, где морское дело вообще считается женской прерогативой.

– Вы, парни, баб везде найдете, – гордо констатировал Лимбер. – Что значит – мои потомки!

– Ага! – радостно согласились похотывающие принцы.

– Ребята, бокалы-то почти опустели. По новой надо! Мы тут не лопать собрались! – снова встрял удовлетворивший любопытство Рик. – Моя очередь говорить тост. Люблю я

это дело! Значит, так, в продолжение женской темы такая история. Шел как-то по дремучему лесу мужчина. И вдруг из чащи вышел огромный свирепый синий дракон, полыхнул для острастки пламенем и проревел:

– Я сейчас тебя съем!

– За что? – спросил мужчина, задрожав от страха.

– А просто обедать пора, – пояснил дракон.

– Не ешь меня, я сделаю все, что ты хочешь, – взмолился путник.

– Что ж, – поразмыслив, согласился дракон, обожающий странные пари. – Если ты выполнишь три желания первого встречного человека, я тебя, так и быть, пощажу.

На том и порешили. Вскоре встретили они на лесной дороге одинокую путешественницу. Дракон объяснил ей ситуацию и спросил:

– Какое твое первое желание, женщина?

Женщина покраснела и пожелала, чтобы мужчина ее отымел. Тот с большой охотой выполнил ее желание. Женщина загадала второе желание – повторить первое. Мужчина справился и с этим. А женщина пожелала, чтобы он взял ее еще раз. Упал тогда мужчина на колени, склонил буйну голову и сказал:

– Ешь меня, дракон!

Выпьем же, папа и братья, за тех мужчин, которые никогда не попадутся на зубок дракону! То есть за нас!

Принцы радостно подхватили тост Рика с донельзя самодовольными ухмылками.

После непродолжительной паузы, заполненной типичными для компании уничтожением съестного и мелкими пикировками, Джей наигранно тяжело вздохнул и, налив себе вина, обратился к Рiku со словами горестного упрека:

– Опять ты, брат, сказал все самые интересные тосты, только один у меня и остался.

Бог воров вскочил на ноги, воздел вверх бокал и торжественно провозгласил:

– С кем дружба – сто лет, а с кем дружба – один день, как сто лет. За всех вас, родичи!

Повисло непродолжительное молчание. Отяжелевшие после чересчур бурного времяпрепровождения, сытной еды и возлияний принцы обдумывали сказанное. Наконец Кэлер задумчиво спросил:

– Это ты нас оскорбляешь, что ли?

– Я думаю, он нас действительно оскорбляет, – медленно кивнул Нрэн.

И закипела яростная перебранка. Поняв, что на сей раз отпрыски могут разойтись не на шутку, Лимбер поспешно нашел в своем кубке дно, встал с кресла и рявкнул наработанным за тяжелые века правления командным голосом:

– Все! Хватит! Погуляли на славу, а теперь лично я собираюсь завалиться в кровать и провести там часа четыре до церемонии на Храмовой площади, чем и вам советую заняться. Желаете подраться – деритесь, только лечиться не позволю, прокляну, так и предстанете перед народом в синяках.

Поворчав для порядка на злой язык Джея, боги решили угомониться, допили вино и разбрелись по своим покоям – отдыхать и наводить марафет.

Неторопливо следуя по коридорам замка к своим покоям, принц Нрэн продолжал наслаждаться ощущением пьянящей легкости, которая переполняла его. Давно богу не было так хорошо. Казалось, что с души свалился тяжеленный камень, огромная глыба, веками лежавшая на сердце и ставшая такой мучительно-привычной и оттого уже незаметной. Невольная улыбка, как незваная гостья, робко прокралась на лицо сурового воителя, да так там и обосновалась.

Вздыхнув полной грудью, мужчина задержался у большого окна, чтобы окинуть взглядом Сады Всех Миров. Его всегда трогало весеннее чудо зарождения новой жизни в при-

роде. Впрочем, бог любил и другие времена года, сам их круговорот приносил ему твердую уверенность в устоявшемся порядке вещей, внушал мысль о неизменности законов мироздания. Нрэн, верный приверженец строгих традиций, очень ценил ощущение того, что в буйных мирах есть нечто вечное и закономерное.

Сейчас принц любовался весенним садом. Маги-синоптики постарались на славу: в ярко-синем небе сиял золотой круг солнца, теплое марево струилось от прогревающейся земли и, откликаясь на первую ласку живительных лучей, растения одевались в нежно-салатовую, белую, синеватую дымку, пока едва уловимый намек на грядущее буйство цвета.

Нрэн улыбнулся шире и, оторвавшись от окна, двинулся дальше, небывалая легкость переполняла его, дарила ощущение вседозволенности. Казалось, сейчас, в эти минуты, стало возможно все, и исполнение любой, самой безумной, самой дурацкой причуды в его полной власти. Спали оковы долга и правил. Кодекс чести и строгий нравственный контроль одновременно хлопнули на стол заявления и, не дожидаясь резолюции мозга, удалились в отпуск. Хотелось что-нибудь сотворить!

Неожиданно бог понял, что больше не обязан терпеть и страдать. Хватит, он вовсе не должен держать в себе свою любовь только потому, что Элия приходится ему кузиной. Кузина – не сестра! Конечно, она богиня любви, ну так что ж, зато он бог войны. Ему надо просто пойти к Элии, упасть перед ней на колени, признаться в любви и молить об ответном чувстве. Баста, слишком долго он молчал! Пусть знает о том, что он сходит по ней с ума. Будь что будет! Пусть или скажет «да», или, смеясь, прогонит его, как собаку, прогонит сама, сама велит убраться прочь.

Размашистым, решительным шагом принц преодолел последние метры коридора, отделявшие его от покоев Элии, и, небрежно отпихнув с дороги пажа, ринулся в гостиную кухни.

Мальчик в сердцах топнул ногой, утирая злые слезы, грозящие намочить кружево воротничка. Зачем ему вообще стоять здесь в прихожей, если с утра до вечера к госпоже шляются без доклада все, кому только заблагорассудится?

Переодевшись в открытое серебристо-серое платье с весенним мотивом цветущей вишни, принцесса наскоро разобрала утреннюю почту, полную поздравлений с Новогоднем, и полюбовалась гостиной, благодаря огромному количеству цветов превратившейся в оранжерею. Присланные к празднику букеты заняли едва ли не все имеющиеся вазы. К счастью, в отличие от некоторых миров, в Лоуленде не было принято делать на Новомодье крупные подарки, иначе богиня не разобралась бы с обилием посылок от горячих поклонников и к концу следующего семидневья. Еще разок окинув взглядом гостиную, Элия отправилась в кабинет.

Добравшись наконец до карандаша и бумаги, принцесса занялась рисованием. Легко порхал по бумаге мягкий грифель, и из сплетения линий проступал образ маленькой принцессы Мирабэль, сладко посапывающей на ковре в обнимку с Диадом. Улыбнувшись, Элия нанесла последние штрихи и отложила карандаш.

Зеркало напротив большого рабочего стола предупредительно зазвенело, раздался вежливый вопрос Повелителя Межуровня:

– Прекрасный день, Элия. Я могу посетить тебя?

– Конечно, – быстро спрятав рисунок в верхний ящик стола, где лежала папка с другими набросками, согласилась принцесса.

Красивый мужчина в переливчато-зеленом и черном одеянии странного кроя материализовался в кабинете богини. Принцесса встала из-за стола и предложила гостю пройти в гостиную. Там Элия опустилась на небольшой диванчик, а Злат присел рядом и еще раз приветствовал богиню, коснувшись традиционным поцелуем ее тонкого запястья.

– Мне нравится твоя приверженность вампирским традициям, – серьезно заметил он.

– Почему? Из-за того, что это делает меня ближе к темной стороне, подвластной тебе? – тут же подкинула вопрос богиня.

– Нет, из-за того, что это дает мне право при встрече целовать твою прелестную шейку, – промурлыкал Повелитель, легко проведя кончиком указательного пальца по нежной коже принцессы.

Элия поняла намек и, рассмеявшись, чуть склонила голову набок. С удовольствием запечатлев на шее красавицы долгий поцелуй, Злат продолжил беседу:

– Я зашел, чтобы поблагодарить тебя за прекрасную прогулку по городу. Давно не проводил время так хорошо. Прими в знак моей благодарности этот маленький дар.

Мужчина извлек из воздуха, подернувшегося на миг серой дымкой с зеркальным отливом, небольшую шкатулку из синего камня и серебристый шарик. Злат дунул на шар, и тот, распавшись на две половинки, исчез, выпустив на свободу прекрасный мягкий плащ из незнакомой шелковистой на ощупь и переливчатой ткани.

– Весенний плащ в честь первого дня весны, моя дорогая леди, – прокомментировал Повелитель, накидывая подарок на плечи богини.

– Какое чудо! Из чего это сделано? – восхитилась принцесса, нежно поглаживая изумительную на ощупь обновку.

– Это очень редкая в ваших мирах ткань – ар’нахор. Ее делают в Межуровнье. Я не испорчу тебе настроение, если расскажу об ее происхождении? – осведомился Злат.

– Все нет, – категорически заявила богиня. – Моя брезгливость не распространяется на конечный продукт производства, если он прекрасен.

– Ар’нахор близка по качеству к эльфийским тканям из паутины ши’реиль, но для ее изготовления используется «паутина», выделяемая демонами Межуровнья – арадами.

– Теперь я понимаю, почему она так редка. Немного найдется желающих попросить клубочек-другой нитей у этих пауков, – усмехнулась принцесса, вспоминая ужасающую картинку из сборника статей по Межуровнью магистра Кадара ар Лагода. – Я где-то читала, что они ужасно ядовиты.

– Да, эту их особенность тоже можно использовать с толком, – небрежно согласился Повелитель и продолжил, открывая шкатулку: – Но у меня есть и другой, не столь экзотический подарок.

– Но столь же прекрасный, – прошептала принцесса, протянув руку к изумительным по своей красоте украшениям.

Злат слукавил в оценке своих даров. Эти синие и голубые камни в серебряной оправе были не менее дороги и редки, чем одежда из ткани арадов, которую носили лишь сам Повелитель да его приближенные. Украшения работы демонов Межуровнья почти не встречались в мирах и были безумно дороги. Слишком мало находилось сумасшедших, которые отваживались лезть за ними во тьму Межуровнья и сражаться с хозяевами за право обладания сокровищами. Еще меньшему количеству авантюристов, жаждущих наживы, удавалось унести ноги, с добычей же возвращались считанные единицы. Разглядывая прекрасные украшения, богиня невольно прикинула их цену в мирах и только покачала головой.

– Я надену этот убор на большой бал-маскарад Новогодья, – решила принцесса. – Спасибо, дорогой. Тебе больше не нужны экскурсии по нашему Уровню? За такие благодарности я могу устроить визит даже в Мэсслендские топи.

Злат рассмеялся и заметил:

– Учту на будущее, Элия!

Он видел, что принцессу восхитил его подарок, но самого Повелителя Межуровнья восхитила та легкость, с которой богиня приняла дар. Не было в ее глазах той безумной жажды обладания дорогими побрякушками, которую он так часто замечал у многих существ. Взяв руку принцессы, Злат еще раз коснулся нежным поцелуем ее запястья.

– Элия! Я решил, что должен тебе сказать! – с порога, еще не глядя по сторонам, начал Нрэн, но тут же смолк и зловеще нахмурился.

Его Элия сидела на диванчике, а рядом, почти вплотную к ней, расположился этот негодяй Злат. Мерзавец целовал запястье принцессы, улыбался, а глаза этого хама заглядывали в декольте богини. Вокруг валялись какие-то побрякушки, а Элия... Элия ласково улыбалась этому выродку из Межуровня! Увидев кузена, она нахмурилась...

Желание признаться в своих чувствах тут же смыло ударными волнами безумной ревности и бешеного гнева. Не владея собой, не думая и не осознавая более, что он творит, принц кинулся к милующейся парочке. А в висках бога билась только одна мысль: «Она все равно никогда не будет моей, значит, должна умереть!»

Сцапав Злата за шкуру, Нрэн отшвырнул счастливого соперника с такой силой, чтобы тот отлетел к большому окну и, вышибив стекло, закончил карьеру Повелителя Межуровня кровавой лепешкой на плитах у Лоулендского замка. Потом принц схватил принцессу за плечи, рывком поднял ее с дивана и, вцепившись пальцами в шею богини, принялся трясти Элию, повторяя:

– Сука, сука, сука!

Нрэн утратил над собой всякий контроль, принцесса чувствовала, что совсем не может дышать, а натренированные пальцы кузена все сильнее сдавливали ее шею и вот-вот должны были сломать ее. Но тут свистнула в воздухе невидимая плеть, рассыпая черные искры, и опустилась на спину воина. Бог широко раскрыл глаза, разжал от боли руки и, как подрубленный, рухнул на мягкий эндорский ковер. Магический хлыст – гибкий черный жгут, чистое сплетение первородной силы Бездны Межуровня исчез из руки Повелителя. Злат бросил взгляд на богиню и, убедившись, что с ней все в порядке (если не считать огромных синяков, проступивших на нежной коже), спросил, небрежно кивнув на Нрэна:

– Убить?

– Нет, спасибо, стратег жизненно необходим Лоуленду, – потирая шею и жадно заглатывая воздух маленькими глотками, ответила богиня. – Ничего не понимаю. Что на него нашло?

Опустившись на ковер рядом с кузеном, Элия наклонилась к самым губам воина и принялась целовать. От бога войны пахло только вином. Но никакая выпивка не способна была бы привести Нрэна, контролирующего рассудком каждый свой шаг, в такое невменяемое состояние. Если только ему не подлили в бокал какой-нибудь гадости без цвета и запаха. На ум пришло сразу несколько вероятных рецептов.

– Пил он сейчас, скорее всего, с братьями, отмечали окончание Дикой охоты. Значит, парни могли добавить в выпивку какую-нибудь гадость, чтобы подшутить, – сделала логические умозаключения богиня. – Ну-ка, проверим.

Подойдя к встроенному бару, принцесса порылась в его необозримых глубинах и извлекла на свет темную бутылку полынной настойки. Отлила немного в бокал и вернулась к неподвижному кузену.

Злат с интересом наблюдал за происходящим. Его не переставала удивлять самостоятельность принцессы. Вот и теперь она не обратилась за помощью, предпочла все выяснить сама.

Приподняв одеревеневшую руку Нрэна, Элия аккуратно взрезала заострившимися клыками запястье родича. Выступило немного крови, которая тут же свернулась, пусть кузен был без сознания, но его изумительная регенерация никогда не дремала! Омочив палец в бокале, принцесса капнула настойкой на ранку. Кровь через несколько секунд приобрела странный, слегка синеватый отлив.

– Тиоль – «эльфийская радость», чего и следовало ожидать! – удовлетворенно провозгласила богиня. Химическая реакция оправдала логические предположения!

– Кто-то решил помочь твоему кузену расслабиться и не рассчитал возможных последствий, – мрачно предположил Злат.

– Похоже, – кивнула принцесса, с некоторой иронией подумав, что действие абсолютно безвредной в физиологическом плане травяной настойки на сей раз едва не привело к тяжелым последствиям. – Придется с этим разобраться. Сними с Нрэна чары, пожалуйста. Хочу угостить его противоядием.

– Воля твоя, дорогая, – кивнул Повелитель и резко махнул рукой над телом воителя. Тот зашевелился, медленно приходя в себя.

– Пей, Нрэн, – поспешно, пока бог не очухался окончательно, велела принцесса и сунула под нос кузена бокал.

Принц, безропотно повинувшись голосу любимой, осушил бокал с горькой настойкой. Действие тиоля, как и любого другого эльфийского зелья растительного происхождения, легко снималось другой травой. Надо было только знать, какой именно.

– Злат, я прошу тебя на время оставить меня, если желаешь, подожди в будуаре, – мягко попросила богиня.

– Это ни к чему, дорогая моя, когда понадобится, просто позови, – чуть скривившись, откликнулся Повелитель Межуровня и шагнул в неизвестно откуда взявшийся зеркальный портал, который бесшумно поглотил его и исчез.

Едва Злат покинул гостиную, принцесса слегка насмешливо, слегка участливо поинтересовалась:

– Как самочувствие, Нрэн?

– Нормально, – отозвался как всегда немногословный принц, переползая с ковра на диван (ибо валяться на полу не подобало, а стульев рядом не было).

Мужчина с трудом сел. Тело все еще плохо слушалось. В голове царила гулкая пустота, но вот она сменилась яркой вспышкой-воспоминанием.

– О, Творец, что я наделал! – прошептал бог, обретая память о содеянном. Синяки на шее сестры служили веским доказательством того, что происшедшее не приснилось ему в кошмарном сне. От запоздалого ужаса великого воителя прошиб холодный пот. Он виновато прошептал: – Я ведь едва не убил тебя, Элия!

– «Едва» не считается, дорогой, – усмехнулась богиня, присаживаясь на диван рядом с кузеном, практически вплотную к нему. – К тому же как раз тебя и нельзя винить за то, что произошло. Кто-то в шутку подлил тебе тиоля.

– Тиоль, – процедил принц, зло нахмурился и прокрутил в голове события утра. – Я должен был догадаться с самого начала. Это ощущение легкости и вседозволенности. Джей! Недаром он крутился вокруг. Убью белобрысую скотину, все кости переломаю, одними пальцами не отделается!

– Тише, милый. – Элия успела положить руку на колено принца, прежде чем он вскочил, горя праведной жаждой мести. – Это же была только шутка. Кто мог предположить, что она так плохо кончится? И смерти за шутку Джей вовсе не заслужил. Месть – твое право, но лучше мстить ему той же монетой.

Осмыслив сказанное, Нрэн очень-очень неохотно кивнул, признавая правоту кузины, и пробурчал:

– Ладно.

Но тут же, спохватившись, перевел на Элию виноватый взгляд и повторил, раздумывая, а не опуститься ли ему на колени:

– Я едва не убил тебя своими руками, прости! Прости, умоляю!

– Мне было очень больно и страшно, дорогой, но нельзя винить того, кто не мог контролировать свои поступки. Прощать не за что! Но все-таки будет лучше, если ты пожелаешь мне скорейшего выздоровления. Не хочу вводить новую моду и носить высокие воротники всю весну, а раны, нанесенные богом войны, вряд ли заживут быстро.

– Конечно, прости, прости, – смущенно, виновато и беспомощно пробормотал принц, несмело приложил руку к шее кузины и быстро прошептал молитву, обращенную к Творцу, об исцелении им же нанесенных увечий.

Элия присоединила свой голос к голосу кузена, прочитала заклятие исцеления. Синяки начали стремительно желтеть, потом побледнели и наконец полностью исчезли с нежного шелка кожи. Нрэн облегченно вздохнул, почувствовал себя несколько менее виноватым, поскольку следы его преступления были ликвидированы. Мысли об ужасных карах, которым он обязан себя подвергнуть, перешли от членовредительства к сфере психологии и стали более (напоминаем, что все на свете относительно!) разумными. Принц решил, что отныне он должен как можно меньше видаться с кузиной, то есть встречаться с ней только на официальных мероприятиях, поскольку это неизбежно, кроме того, воин запретил себе входить в молельню и касаться вещей богини.

– И не вздумай сделать каких-нибудь глупостей из-за того, что произошло, – словно читая его мысли, а на самом деле прекрасно зная характер родича, безапелляционно заявила принцесса. – Никаких епитимий, понял?

– Да, – кивнул Нрэн, подозрительно легко согласившись.

– Обещаешь? – настроженная столь быстро данным согласием, уточнила богиня.

Нрэн сердито засопел и промолчал, уставившись на свои сцепленные в замок преступные руки.

– Кузен? – нахмурилась принцесса.

– Обещаю, – наконец кивнул воин и, видя, что Элия все еще недовольна, вынужден был добавить, отрезая себе пути к отступлению: – Клянусь честью воина, душой и своим мечом.

Богиня улыбнулась и, ласково чмокнув принца в щеку, бросила:

– Молодец!

«Неужели она так легко простила меня за то, что я совершил? Но почему? Что я для нее? – изумленно подумал принц и, тут же оборвав себя, решил: – Идиот, она понимает, что я значу для Лоуланда, и ценит ту пользу, которую приношу нашему миру. Кроме того, я ее кузен, но ничего больше! Безумный глупец, мне нужно держаться как можно дальше от сестры. Пусть наказать себя я не могу – ведь дал слово, но все равно отныне стану находиться в ее обществе только тогда, когда этого действительно нельзя будет избежать. Так безопасней».

– Я пойду, Элия, – вздохнул воитель, принявший судьбоносное решение, терпеливо дождался разрешающего кивка, вышел из комнаты и подумал, что ему придется еще при встрече извиниться перед Повелителем Межуровня за свое неподобающее поведение. Унизиться перед тем, кого ненавидишь, ревнуешь, пытался убить, перед тем, кто был способен убить тебя так же легко, как прихлопнуть муху. Тоже ничего себе наказание.

Глава 2

Вынужденные откровения

Есть такая старая поговорка: «То, что не убивает нас, может убить со второй попытки».

м/ф «Губка Боб Квадратные Штаны»

Ничто так не мешает спать по ночам, как неразгаданная тайна.
С. Майер. Сумерки

Родная кровь – это вечные проблемы. Страдаешь то за нее, то из-за нее.

О. Громыко. Год Крысы. Путница

Нрэн, не оглядываясь, вышел из гостиной. Принцесса пошарила в вазочке на столе и по примеру Рэта рефлекторно сунула в рот конфету со сливочной начинкой – для успокоения нервов. Пожевала и запоздало восстановила заклиниванием целостность ваз с цветами, безжалостно снесенных богом войны в состоянии аффекта. Женщина помедлила несколько секунд, собираясь с мыслями, потом нарочито тихо позвала:

– Злат.

Повелитель Межуровня тут же, безо всяких зеркальных спецэффектов, материализовался в апартаментах богини. Великолепный, опасный красавец-брюнет, не дожидаясь приглашения, опустился в кресло.

– Как твой любимый, но не в меру буйный кузен? Уже пришел в себя? – из вежливости спросил мужчина, подняв соболиную бровь. Кажется, в малахитовых глазах гостя мерцал насмешливый огонек.

– Да, – проронила принцесса, откидываясь на спинку дивана и внимательно глядя на Злата. – Потерзает себя, отомстит Джею за тиоль и успокоится. Но оставим частности. Я хотела поговорить с тобой о том, что творится.

– Что именно тебя интересует?

Собеседник изобразил на лице выражение столь же вежливой, сколь и недоуменной заинтересованности, ноздри хищного носа едва заметно раздулись, напряглись желваки. Дракон Туманов, Повелитель Обмана превосходно умел скрывать свои чувства и мысли... обычно умел. Но сейчас он несколько дней кряду провел в одной телесной оболочке, к тому же никогда прежде Злат не коротал время в обществе существа, чьи мысли и чувства были для него чем-то большим, чем секундная забава. Повелитель в некотором замешательстве отметил, что тело ведет себя слишком своевольно и ему следует контролировать то, что раньше никакого контроля не требовало. Это было забавно!

– О, самая малость, – процедила Элия, пока сохраняя на лице маску спокойствия, мало вяжущуюся со звучащим в голосе бешенством. – Всего лишь череда покушений на мою жизнь. Почему-то я подозреваю, что именно ты способен прояснить сложившуюся ситуацию. Магия Межуровня сильна, и его Повелитель видит многое из того, что скрыто от простой богини с Уровня, видит, но делиться информацией не расположен!

Уразумев, что принцесса забеспокоилась всерьез и собирается докопаться до сути происходящего во что бы то ни стало, мало того, она уже догадалась и о его осведомленности во всем происходящем, Злат решил, что придется кое-что рассказать, самую малость, только чтобы Элия перестала волноваться и злиться.

– Не тревожься, дорогая, – дипломатично начал говорить мужчина, перевоплотившись на глазах в само олицетворение участливой любезности. – В данный момент нет ничего, что по-настоящему угрожало бы твоим бесценным жизни или здоровью. А все эти досадные недоразумения – всего лишь маленькие последствия встречи с Серым Посланником. Своего рода остаточные явления, совсем скоро исчезнут и они, все успокоится. Осталось немного потерпеть. День-другой, и неприятности перестанут тебе докучать. А пока, если хочешь, я буду рядом, чтобы защитить тебя от любой мелочи.

Исполненная тайного очарования улыбка довершила успокоительную речь Повелителя, и он выжидательно посмотрел на принцессу, пытаясь определить ее реакцию. Но для этого не понадобилось никакой магии. Элия нахмурилась и открытым текстом, кажется, злясь больше, чем прежде, заявила:

– По-моему, ты врешь, а вернее всего, пытаешься исказить факты и недоговариваешь. Я, конечно, всего лишь богиня и по силе не могу тягаться с Повелителем Межуровня, но я все-таки богиня логики и способна определить, истинны ли сведения, даже если они исходят из твоих уст.

– Не надо быть столь категоричной, милая, – попытался оправдаться Дракон Туманов, очень редко говоривший честно и почти никогда не говоривший прямо. Однако сейчас для него куда важнее привычек и обычаев было не утратить доверия принцессы. – Пойми, иногда правда бывает куда опаснее лжи. А я не хочу повредить тебе, Элия, клянусь! – Пальцы с чудным, по лоулендской моде, маникюром на мгновение прижались к груди в районе сердца.

– Давай тогда сделаем следующее: я скажу то, что думаю по поводу происходящего, а ты или опровергнешь мои выводы, или признаешь их правоту, – деловито предложила богиня, отбросив злость и досаду.

Словами о последствиях встречи с Серым Посланником Повелитель Межуровня, сам того не подозревая, добавил недостающий кусочек в логическую головоломку. Все ее части заняли свои места. Выстроилась стройная версия происходящего. Теперь богиня хотела лишь одного – подтверждения правильности своих предположений.

Злат нехотя кивнул, соглашаясь с решением собеседницы, и, откинувшись в кресле, приготовился слушать.

– Мой менестрель принес предупреждение. Стгушающаяся тьма в его сне – классический символ магической угрозы. Следом явился направленный неким существом с верхних Уровней (выяснить его личность – забота Суда Сил) Серый Посланник, чтобы наложить на меня проклятие. Я успешно заглотнула наживку в виде книги пророка и сама впустила в Лоуленд смерть. Ты явился почти вовремя и уничтожил Посланника, но демон успел наложить проклятие. Мне с самого начала следовало догадаться, что не в обычаях таких существ тратить время на ругань. Однако, поверив тебе, я не стала заострять внимание на этом противоречии. Итак, проклятие было наложено, но либо не полностью, поскольку я до сих пор жива, либо действие чар кто-то ослабил, например очень вовремя оказавшийся в библиотеке Повелитель Демонов. Теперь о том, что это было за проклятие. Каким способом мне предрекли погибнуть? Думаю, – продолжила богиня, вспоминая слова Связиста, – что я должна была умереть от руки родича, так, чтобы моя смерть стала первым звеном в череде родственных склок, которые в конце концов привели бы к развалу и гибели всю семью. Так?

– Твои рассуждения так же безупречны, как красота, принцесса, – вынужден был согласиться Повелитель Межуровня, он качнул головой, и завеса полуночных темных кудрей прикрыла лик демона. – Тварь действительно пыталась наложить на тебя чары. Но я помешал ей закончить работу, поэтому не могу с уверенностью сказать, каким должен был быть полный вариант проклятия. Судя по той горячей привязанности, которую питают к принцессе Лоуленда ее братья, такой вариант развития событий вполне вероятен. И все-таки я не лгал, говоря, что чары Серого Посланника скоро рассеются. Я не стал снимать их, опа-

саясь повредить структуру души, и не говорил о том, что узнал, чтобы за счет страха твоей семьи не увеличить срок распада заклития. И вот что еще я понял только сегодня: процесс распада заклития становится гораздо интенсивнее, когда ты находишься в обществе родителей, особенно когда подвергаешься опасности в их присутствии. Похоже, этот факт говорит в пользу твоей версии.

– Мои безупречные рассуждения существенно запоздали, хорошо еще, что не запоздали безвозвратно. Мне ты должен был рассказать все сразу, – слегка нахмурившись и досадуя больше на свою нерасторопность, чем на Повелителя Межуровня, возразила богиня, выслушав откровения Злата.

– Да, я мог так поступить, но раньше это казалось мне немотивированным риском. Я не оправдываюсь за свои поступки ни перед кем, Элия!

– Воистину, о Владыка Демонов, Повелитель Путей и Перекрестков, – нарочито смиренно, с насквозь фальшивым благоговением в тихом голосе согласилась богиня, и Злат вновь почувствовал себя полным идиотом. Официальные слова почтения и покорности в устах прекрасной принцессы прозвучали как форменное издевательство, хотя мужчина не понял, как ей опять удалось его унизить.

– Извини, – скривился Лорд Бездны, почти выплюнув горчащее на языке слово. – Но все-таки ты могла бы быть чуть более благодарной, детка.

– За то, что, повинувшись своей мимолетной прихоти, ты решил сохранить мне жизнь? – с холодным любопытством спросила принцесса, оставив игры в покорную овечку. – Конечно, я тебе благодарна, как может быть благодарна букашка человеку, который не наступил на нее у тропинки.

«Как же ты, красавица, крутишь теми, кто в тебя по-настоящему влюблен», – почувствовав себя до странности уязвимым под ироничным взглядом богини, в который раз подумал Повелитель Межуровня.

– Не будем ругаться, дорогая, – смирившись с тем, что его отчитали, как мальчишку, и даже получив от этого некоторое удовольствие, заметил Злат (таких развлечений в его жизни еще не было). – Стоит ли портить ссорой дивный весенний праздник, первый день Новогодья. Сегодня у тебя и так было достаточно неприятностей.

– Ты прав, не стоит омрачать первый день Новогодья раздорами, это подтвердит любой астролог. Поскандалим завтра, – поразмыслив, согласилась богиня.

– Милая, ты просто прелесть, – от души расхохотался Повелитель, с удивлением ощутив, как тает сумрачная тень обиды, секунду назад, казалось, заслонявшая весь мир и грозившая обернуться очередным приступом черной меланхолии, которая заставляла дрожать в ужасе всю Бездну Межуровня. – С такой очаровательной стервой я готов ссориться всю жизнь, но куда охотнее занялся бы чем-нибудь более интересным.

– Например? – хитро улыбнулась красавица, покачивая ножкой.

– Например, я хотел спросить, не позволит ли принцесса Лоуланда сопровождать ее на сегодняшний праздничный вечер? – в пику романтическим ожиданиям предложил мужчина, напрашиваясь на очередную экскурсию.

– Пожалуй, это возможно, но официальная часть мероприятия построена таким образом, что в ней задействованы лишь члены королевской семьи. Ты можешь присутствовать на Храмовой площади как зритель. А вот на вечерний городской карнавал, если пожелаешь, мы пойдем вместе, но при одном условии.

– Ради вашего общества я готов на любые жертвы, прекрасная леди, – включившись в игру с готовностью галантного ухажера, заявил Повелитель Межуровня.

– Никакие правила и условности на карнавале не действуют. Я собираюсь развлекаться так, как мне заблагорассудится, и спутник – кавалер – в данной ситуации будет мне поме-

хой, – откровенно заявила принцесса. – Но я с удовольствием покажу тебе праздничный город, подскажу, где и как отлично провести время, растолкую кое-какие обычаи.

– Договорились, – деловито кивнул в знак согласия Злат и принялся уточнять волнующие его детали: – А как насчет наших костюмов? Они должны быть парными?

– Даже не знаю, что сказать, – задумалась богиня. – Видишь ли, я собираюсь одеться принцессой Элией. Это лучший способ сохранить инкогнито, поскольку подобных нарядов в городе будет много.

– Такова цена популярности, – хмыкнул Повелитель Межуровня, окидывая взглядом вазы с букетами. – Мне в таком случае придется изобразить кого-нибудь из твоих родственников. Не подскажешь, на кого из них я больше всего похож?

– Снаружи или изнутри? – усмехнулась Элия.

– Снаружи, дорогая, снаружи. Я вовсе не собираюсь выворачиваться наизнанку даже ради знаменитого в мирах лоулендского Карнавала Новогодья и не хочу слушать зверские истории про распотрошенных мужчин. У меня, знаешь ли, очень ранимая душа и чувствительная психика, – наставительно заметил Злат.

– Это сразу бросается в глаза, – согласилась принцесса и продолжила по существу: – Цветовая гамма одежды Кэлберта и тип его лица наиболее близки к твоему.

– Что ж, выбор сделан, – хлопнув в ладоши, торжественно объявил Повелитель Межуровня и встал с кресла. – Пойду продумывать свой карнавальный костюм.

– Подожди, – спохватилась богиня и извлекла из воздуха брошь со своей эмблемой. – Возьми, это знак моего гостя, дающий право на самое почетное место на площади.

– Ты считаешь, я не смогу занять его без этой безделицы? – иронически улыбнулся Повелитель Межуровня, но тем не менее брошь взял.

– О, великий, тебе все по силам, – согласилась принцесса. – Но кто-то хотел вести себя сообразно обычаям нашего мира.

– Признаю, – подтвердил Злат и, продолжая разглядывать брошь, заметил: – Однако у меня возникла произвольная ассоциация с клеймом раба.

– Рабы носят клеймо хозяина на коже, а если владелец пожелает, то и ошейник с браслетами, свободные работники с малым коэффициентом силы – защитные медальоны, такие вещицы есть, кстати, у многих актеров, – обстоятельно начала разъяснять положение дел богиня. – Гости носят броши, этот символ дает понять окружающим, чьим покровительством пользуется нанесший визит в наш мир. Кроме того, стража и другие сторонники соблюдения обычаев при выполнении своих обязанностей делают для гостей значительную скидку на недостаточную осведомленность по части законов и обычаев, поэтому и прощают многие вольности в поведении. За все поступки гостя полностью ручается принимающий его. Брошь не клеймо, а почетный знак, Злат, но если ты не желаешь его носить, я не буду настаивать.

– Прости, от меня снова ускользнули нюансы ситуации, – слегка склонил голову Повелитель. – Я с благодарностью принимаю твой дар. До вечера, прекрасная принцесса.

Богиня осталась одна. Она покинула гостиную и, затворив дверь в покои заклятием невмешательства, уединилась в комнате магии. Там Элия прикосновением зажгла пару маленьких магических шаров, создав уютную атмосферу полутьмы, скинула туфельки на высоких каблучках и, неторопливо ступая по мягкому густому ворсу ковра, подошла к огромному, во всю стену, многомерному шкафу магической библиотеки. С небрежной ласковостью, будто гладила кошку, провела рукой по корешкам старинных томов и, опустившись прямо на ковер, прислонилась спиной к шкафу.

Некоторое время она просто сидела, уставившись в пространство невидящим взглядом. Потом вздохнула, выходя из состояния протрации, и задумчиво заговорила:

– Итак, если верить словам Злата, а лгать ему ни к чему, еще некоторое время родичи станут предпринимать попытки отправить меня в следующую инкарнацию. С большой степенью вероятности могу считать, что смерть мне не грозит, но, судя по нескольким предыдущим покушениям, некоторые увечья обеспечены. Я не могу рассказать о происходящем братьям, ибо это задержит процесс распада чар, скрыться в мирах и переждать тоже нельзя, поелику чары распадаются быстрее при взаимодействии с родичами. Что же делать? – Задав последний риторический вопрос, подводящий итог логическим выкладкам, Элия запрокинула голову и посмотрела на свои любимые книги.

И получила ответ как раз в духе ее безмолвных друзей, научившихся этому трюку с легкой руки, вернее, страницы личной магической книги времен злополучной альвионской инкарнации.

Растолкав своих соседей, из шкафа вылетел том «Рунных загадок» и, попирая все физические законы, мягко, как перышко, спланировал прямо на колени богини. Книга раскрылась, зашелестели, переворачиваясь сами по себе, страницы и замерли на кратчайшем толковании одной из позиций предсказаний по семи броскам рун Фар'йе-зар.

– Это время не действий, но ожидания, скоро проявят себя и друзья, и враги. Жди и терпи, храни спокойствие и веру, невзгоды пройдут стороной. Все к лучшему в череде испытаний, прими их с улыбкой, – вслух прочитала принцесса и действительно улыбнулась наивной попытке магических существ утешить ее и дать совет.

– Спасибо, дорогие мои, – ласково поблагодарила богиня и, подняв «Рунные загадки», бережно поставила их на законное место. – Потерплю! Самое главное, чтобы больше никто не вздумал напоить Нрэна тиолем. Надо признать, забава с моим неприступным кузеном зашла слишком далеко, пора заканчивать эти детские игрушки. Иногда, как выяснилось, и Нрэн бывает опасен. Пожалуй, следует ускорить этот процесс ради своего спокойствия. Что ж, зато могу поспорить, скучно мне на это Новогодье не будет. Джей вечно твердит, что риск – самая изысканная из приправ к вкусу жизни. Оставим сомнения насчет его извращенных кулинарных пристрастий и попробуем пожить, следуя этой милой заповеди. Хотя я всегда предпочитала риск осмысленный, имеющий цель, но надо же время от времени делать глупости! Безупречен лишь великий Творец, да и у того, наверное, бывают проколы, только об этом никто не знает.

Улыбнувшись еще разок, богиня бросила взгляд на часы и поняла, что времени хватит только-только на то, чтобы перекусить и одеться к официальному мероприятию на Храмовой площади.

Принцесса Элия в строгом темно-синем бархатном платье, чуть тронутым серебряным шитьем, стояла перед зеркалом и заканчивала свой туалет. Драгоценный звездный набор уже занял свое законное место, и теперь богиня закалывала последнюю из двух обязательных для парадной одежды брошей. Первая – меч с насечками, отмечающими уровень воинского искусства, красовалась на высоком воротнике, вторую – знак советника короля – надлежало поместить на левую сторону груди.

– Госпожа, ваши братья принцы Рикардо Гильен Рейнард и Джей Ард дель Лиос-Варг просят аудиенции, – едва не споткнувшись на младшем имени принца Джея, старательно выговорил взволнованный ожиданием великого праздника паж, проскользнувший в будуар.

– Пусть проходят, – великодушно разрешила принцесса и улыбнулась собственному отражению улыбкой женщины, в полной мере сознающей свою привлекательность и не придающей ей принципиального значения.

Сверкая ослепительными улыбками, обилием украшений и яркими тканями парадных одежд, боги явились пред светлые очи сестры, запечатлели на ее руке вежливые, в меру страстные поцелуи и плюхнулись на диван рядом с пуфиком принцессы.

– Прекрасный день, дорогая, – восхищенно оглядывая Элию, хором сказали принцы. – Как всегда, на Храмовой площади не будет женщины красивее тебя.

– И во всех вселенных тоже, – поспешно добавил Рик, заметив выгнутую в шутовском вопросе бровь сестры.

– Вы тоже, мальчики, просто ослепительны, – честно ответила комплиментом на комплимент Элия, отводя глаза от солнечных зайчиков, которые щедро рассыпали перстни, унизывающие пальцы Рика.

– Вот, решили заскочить за тобой, а заодно узнать, как прошел утренний визит Нрэна, – не утерпев, раскололся Джей, горя желанием узнать, каковы результаты его авантюры.

– Мою девственность снова не тронули, – состроила гримаску разочарования богиня, мстительно умолчав о намерениях Нрэна посчитаться с братом за легкомысленную шутку, едва не обернувшуюся трагедией.

– Я же говорил, надо было налить ему тройную дозу тиоля, – в сердцах бросил Рик. – Не проняло нашего твердолобого.

– Кстати, мальчики, о нервирующих моментах. В городе появились очаровательные стихотворные произведения иронического характера, – вспомнив о своих намерениях упредить карательные действия мстительных родичей, заявила принцесса. – И я очень надеюсь, что в скором времени смогу увидеть другие опусы остроумного поэта. Меня ведь не постигнет разочарование?

Строгий взгляд сестры ясно дал братьям понять, что никаких мер силового воздействия на неведомый пока принцам, но, похоже, весьма буйно расцветающий талант принцесса не потерпит. И каким бы острым ни было желание богов наказать неведомого остролова за еще неизвестные прегрешения, все равно им придется потерпеть, пока он не надоеет богине.

– Ясно, Элия, – нехотя кивнул Рик, понимая, что слова сестры ему по долгу божественной профессии придется донести до всех родичей, и, изнывая от любопытства, добавил: – Дай уж тогда хоть почитать что-нибудь из писанины попавшего под твое покровительство редкостного дарования.

– Держите и наслаждайтесь. – Порывшись на столике у трельяжа, принцесса извлекла откуда-то из-под внушительной горки шкатулочек и флакончиков стопку бумажных листов и протянула братьям.

– Ого, еще и с иллюстрациями, – скептически хмыкнул Рик и углубился в чтение, держа бумагу таким образом, чтобы все было видно и Джею.

Громогласное ржание, сменяемое довольным хихиканьем, сопровождало этот процесс до тех пор, пока принцы не напоролась на памфлеты о собственных бесценных персонах. Памфлеты бесспорно остроумные, но и бесящие преизрядно. Но гневайся не гневайся, а неведомому сочинителю взрыв негодования богов все равно пока ничем не грозил, поскольку этого хотела любимая и весьма опасная сестра.

– Сдается мне, ты опять покрываешь этого малахольного ублюдка Оскара, – скривился сплетник, нехотя выпуская из рук листки и отдавая их Элии. Для услаждения слуха и глаза родичей рыжему богу еще предстояло раздобыть копии.

– Кого бы я ни покрывала, это не имеет значения, – с прохладцей заметила принцесса. – Пусть пишут, веселее жить, когда есть хоть кто-нибудь, способный на острое словечко в наш адрес. Для развлечений и мести поищите другие игрушки, мальчики.

– Ладно, придумаем что-нибудь еще, – беспечно заявил Джей, небрежно махнув рукой. Принц подумал, что когда-нибудь сестре надоеет «здоровая критика» или писака зайдет чересчур далеко и тогда можно будет поиграть с ним в свое удовольствие.

– Конечно, только позже, а сейчас нам, пожалуй, пора идти, а не то опоздаем, – заметила богиня.

– Мы? Никогда! – гордо заявил Рик. – На все мероприятия, после которых бывают гулянка и выпивка, мы неизменно являемся вовремя, чего бы это ни стоило.

– Да, после ваших вчерашних, а потом еще и ночных развлечений это можно приравнять к подвигу, – торжественно согласилась Элия.

– За что я тебя люблю, милая, так это за то, что ты никогда не читаешь мораль, – прижав руку к груди, честно признался бог воров, не заметив на лице сестры и в ее голосе ни следа упрёка.

Принцесса пренебрежительно фыркнула и ответила:

– Да, я не одобряю ваших забав, но что это меняет? Читать вам мораль? Да во всей вселенной не найти более неблагодарного и пустого занятия! Конечно, до некоторой степени, исключительно благодаря логике, я могу понять те стремления, которые движут вами. Но никогда не прочувствую, зачем мужчине, одна улыбка которого способна свести с ума любую женщину, опускаться до насилия. А ваш ответ я и так ведаю: иногда хочется чего-нибудь эдакого. Что ж, каждый развлекается так, как считает нужным, и платит за это свою цену.

– Ага, – радостно согласились боги и нахально ухмыльнулись совсем не теми улыбками, которые предназначались для очарования падких на внешние прелести дам. Сестра ведь и так знала и любила их безо всякого притворства.

– Пора, мальчики, – снова напомнила братьям богиня, накинула на плечи последнюю деталь официального туалета – плащ, и троица исчезла из замковых покоев.

Глава 3

Божественное представление

(Очень официальная глава с неофициальным концом)

Здравствуйте, любезные. Я король, дорогие мои.
к/ф «Обыкновенное чудо»

Что – толпа? Она как ребенок: тянется за цветастым фантиком, даже если внутри полное дерьмо.
О. Громыко. Год Крысы. Путница

Толпа. Герою трижды ура!
Гомер. Всего три раза?
Толпа. Ладно, шесть.
Гомер. Так-то лучше.
м/ф «Симпсоны»

На главной Храмовой площади Лоуленда негде было и яблоку упасть, всюду толпился народ. Золотистые плитки драгоценного витаря едва проглядывали под подошвами множества ног. Ближе к центру площади, у самого храма Творца, был установлен мраморный помост, покрытый черным бархатом с узором из роз, прихотливо вьющихся по краю ткани. Плескали по ветру серебристые флаги государства с вышитыми розами красного и белого цвета, символом множественности и многообразия миров, окружающих Лоуленд – Узел Мироздания. На массивных ступенях помоста неподвижно, словно статуи, застыли горнисты и глашатаи.

Помост предназначался специально для королевской семьи и потому был единственным свободным местом на тысячи метров вокруг. Рядом, заняв почетные места, стояли знатнейшие дворяне Лоуленда в лучших парадных одеждах, официальные влиятельные представители ближних и дальних миров. Несколько далее расположились менее родовитые и обеспеченные дворяне, позади оных боролись за место на площади прочие горожане и гости столицы. Но даже огромная Храмовая площадь не могла вместить всех желающих. Те, кому не выпало счастья протолкаться туда, недолго пребывали в унынии, они поспешно бросились занимать ближайшие улицы и соседние площади. Благодаря транслирующему заклинанию все могли увидеть и услышать предстоящее выступление короля и оттуда.

За порядком пристально следили воины-стражники и маги-охранники, готовые мгновенно погасить любой очаг потенциального конфликта. Каким-то чудом в этой потрясающей тесноте, по сравнению с которой и сельди в бочке страдали бы от невыносимого одиночества, умудрялись сновать разносчики сладостей, пирожков и весенних цветов, выращенных в оранжереях или магических садах. Что удивительно для прозорливого Лоуленда, быстрее всего раскупались нежные букетики мелких голубых, розовых, серебристых цветов, которые горожане охотно прикалывали на платья, камзолы, плащи или шляпы. Толпа смеялась, гудела, волновалась...

К четырем часам пополудни ожидание достигло своего пика, все взоры обратились к помосту у храма. Слаженно протрубили горнисты, и музыкальные кристаллы воспроизвели первые аккорды лоулендского гимна. Под эти торжественные, выбивающие патриотическую слезу звуки на помосте возникли король Лоуленда Лимбер Велинтайн Арабен и все члены

его семьи. Такая похвальная слаженность в прибытии пятнадцати богов объяснялась, правда, вовсе не точным расчетом времени, а снятием купола невидимости.

Толпа разразилась восторженными приветственными криками. Тут было чем восхищаться: королевская семья в полном составе являла собой внушительное зрелище. Прекрасные боги в парадных одеждах выстроились полукругом на шаг позади Лимбера и заняли свои, строго определенные положением, возрастом, а также должностью места.

Сам король предстал перед публикой в синем камзоле, расшитом официальным узором из роз с длинными шипами по воротнику и рукавам, в том же стиле были украшены пряжка на поясе, ножны массивного двуручного меча, плащ и отвороты высоких черных сапог. На груди Лимбера красовалась серебряная брошь в виде весов – знак признанного Силами Верховного Хранителя Равновесия Мира Узла. Этой чести удостаивался далеко не каждый король.

Корона Лоуленда пока покоилась на небольшом постаменте. Массивный серебряный обруч с многочисленными зубцами, украшенный бриллиантами и рубинами, казался почти невесомым из-за тонкой работы гениальных мастеров, которые превратили его в совершенство.

Первым по правую руку от Лимбера стоял его племянник Нрэн, по древним обычаям воинов предпочитающий обходиться одним собственным именем – Верховный Стратег и Защитник лоулендского Мира Узла, Верховный Наставник по оружию, обучающий и осуществляющий контроль за обучением воинскому искусству всех членов королевской семьи и первых лордов королевства.

Простой темно-коричневый камзол принца без всякой отделки был почти неразличим из-за многочисленных регалий и знаков, символизирующих высший воинский сан и великие победы во многих мирах. Но все равно сразу бросалась в глаза серебряная брошь – меч с обвившейся вокруг него розой. Единственным украшением одежды Нрэна была тонкая золотая кайма, тянущаяся по всему периметру длинного плаща. Этот кант обозначал высший ранг Хранителя военной мощи Лоуленда (более низкие ранги подразумевали гораздо более роскошные узоры).

Волосы мужчины, свободно падающие на плечи, на лбу были перехвачены узкой черной лентой – знаком высшего дана в целом комплексе (обозначающемся цифрой со многими знаками) боевых искусств.

На воротнике камзола Нрэн носил простую брошь – меч острием вверх безо всяких насечек. Стоит ли говорить, что она тоже говорила о высшей ступени владения оружием.

Сам меч великого воителя покоился на поясе без любимой массивной пряжки (Нрэн считал, что побрякушек на нем сегодня и так более чем достаточно, поскольку свято соблюдал традиции и надевал основные регалии). Клинок меча оказался таким огромным, что, опускаясь с пояса мужчины, всего на ладонь не доставал до земли, а ширину его спокойно можно было измерить ладонью. Простая рукоять из черной кожи и черные же ножны без украшений нисколько не умаляли грозного вида знаменитого меча бога войны.

Впрочем, с мечом был Нрэн или без меча, мало нашлось бы желающих постоять с ним рядом. Разве только Элия. Но «честь» эта выпала на долю старшего сына короля – Кэлера Алана.

Доброжелательно улыбаясь, принц глазел на толпу, подмигивая знакомым дамам и приятелям. Его черные с серебряной отделкой камзол и штаны не казались мрачными благодаря зеленому, под цвет глаз, плащу. На воротнике был приколот знак Миротворца, Хранителя спокойствия Мира Узла – алебарда с навершием в виде розы в переплетении кленовых листьев. Длинный неширокий клинок с витой изысканной рукоятью дополнял наряд Кэлера.

Рядом с братом стоял Элтон Дартен в синем, чуть более темном, чем у отца, камзоле, расшитом серебром, светлой синева рубашке, черных брюках и плаще. Плащ являлся обя-

зательным элементом официальной одежды, как и у многих народов, он символизировал защиту. На перевязи покоился широкий и более короткий, чем у Кэлера, меч со строгой рукоятью черного серебра. На воротнике камзола красовалась брошь – перо и чернильница со все тем же мотивом розы – символ Хранителя Истории и Летописца.

Сразу за Элтоном виднелся Тэодер дель Миарэн алыт Нэор. Даже сейчас он умудрялся казаться почти незаметным. Худощавый мужчина, облаченный в черное, безо всяких украшений и орнамента. Таким же простым был и его меч – узкий, длинный, гибкий, с рукоятью, обмотанной черной кожей. Единственными «украшениями» принца служили знак Хранителя пределов Мира Узла – лук с наложенной на тетиву стрелой – и брошь-меч с множеством насечек на воротнике камзола.

Рядом с братом застыл изящный Ноут илыт Дейнар в серебристом камзоле, расшитом жемчугом, белоснежной рубашке и черных брюках. На поясе у принца виднелась длинная шпага с рукоятью, украшенной жемчугом. На воротнике черного плаща красовалась брошь Покровителя Искусств Мира Узла – лира в розах.

После Ноута стоял Ментор дель Меавиль. Коричневая с золотом одежда смотрелась на удивление скромно, так же как и его шпага в простых коричневых ножнах, едва тронутая по рукояти золотой насечкой. На воротнике камзола была приколата брошь Хранителя Мудрости – свиток. Ментор являлся официальным наставником в обучении наукам членов королевской семьи и первых лордов королевства. Большею частью его работа заключалась в том, чтобы умело подбирать учителей малолетним, но знатым оболтусам и настоятельно советовать уже взрослым олухам заполнить пробелы в образовании.

Мелиор Альтен дель Меллор, продолжая традиции аристократии, а также по контрасту со своими светлыми волосами, тоже предпочел облачиться в черные с серебром одежды. Оружие бога – серебряная шпага с эфесом, покрытым бриллиантовой пылью, – безукоризненно соответствовало выбранному стилю. На воротнике камзола виднелась брошь – знак Посланника и Дипломата – серебряная роза в кругу, из которого исходило множество лучей. Родственники не раз намекали, что Мелиору больше подошел бы паук в серебряной паутине, на что принц всякий раз неизменно отвечал, что он того же мнения, да вот примитивный народ не поймет.

Великолепный Энтиор Эллиндер Грандер дель Ард в черном камзоле с серебряной нитью, расшитом бирюзой, белоснежной рубашке с пеной кружев, закрывающих горло и изящные запястья, стоял следующим. Левая рука принца покоилась на серебряной, в россыпи мелких бриллиантов рукояти изысканного меча, по всей длине ножен шел едва заметный узор – розы с очень длинными шипами. А на воротах камзола была приколата брошь – знак Дознателя – охотничий рог и обвивающий его хлыст с шипами на конце.

Рядом с Энтиором, в значительной мере сводя на нет всю строгую изысканность его наряда, блистал Рик – принц Рикардо Гильен Рейнард – в ярко-зеленом камзоле с таким количеством золотого шитья, что камзол скорее казался золотым, чем зеленым, кроме того, на этом предмете туалета было нашито столько камней, что их хватило бы на средних размеров сокровищницу. Даже относительно скромная темно-зеленая расцветка плаща и черные брюки не могли приглушить ослепительной яркости наряда, дополненного массивной золотой цепью и множеством перстней. В вихре ярких красок и драгоценных камней нисколько не терялась шпага с золоченым эфесом, украшенным изумрудами и несколькими разновидностями камней желтых оттенков. Ножен изначально черного цвета не было видно под обилием золотых накладок и камней. Броши – знаки Верховного Мага Мира Узла – роза в пентаграмме – и Покровителя Торговли – весы с одной чашей, полной монет, – красовались на двух бортах камзола. Так же ярко, как наряд, сияла ослепительная улыбка Рика, донельзя довольного произведенным на массы эффектом.

По сравнению с Риком облачение Джея Ард дель Лиос-Варга – нежно-желтая, как головка одуванчика, рубашка, коричневый камзол с золотым шитьем, обилие золотых украшений на всех конечностях, шпага с золоченой рукоятью – смотрелось несколько более скромно. Игральные кости, перевитые розами, – брошь Покровителя Развлечений довершила туалет бога. В отличие от приятеля, у принца был лишь один знак, поскольку покровительство и руководство тайным сыском не афишировалось.

Как младшая сестра, богиня стояла почти в самом конце процессии, но, несмотря на свой, по божественным меркам, юный возраст, Элия Ильтана Эллиен дель Альдена тоже имела отличительный знак – знак Советника. Платье принцессы украшала брошь в виде раскрытой книги, поверх которой было нанесено изображение весов с двумя чашами.

За сестрой следовал Кэлберт, по молодости лет и отсутствию родовой матери не успевший обзавестись вторым именем с приставками «дель». Бог мореходов был одет в черный камзол, расшитый серебром, черные сапоги с высокими каблуками и небольшими стилизованными шпорами. Брюки и рубашка принца имели цвет морской волны, кружево того же оттенка украшало рубашку. По бортам камзола, воротнику и рукавам шел вышитый орнамент – морской дракон и волны. Меч принца, неширокий, в меру длинный, с легкой серебряной насечкой на эфесе был спрятан в простые черные ножны. К левому борту камзола Кэлберт приколот брошь – знак Хранителя Водных Границ (адмирала флота) – парус, прикрепленный к обнаженному клинку в обрамлении роз.

И самыми последними стояли младшие члены семьи. Принц Лейм Элиар дель Эларен, облаченный в черный с серебром камзол и нежно-зеленую рубашку, к вороту которой скромно крепилась брошь в виде рук, прикрывающих розу. Принц считался Покровителем и Защитником всего живого в Мире Узла. За плечо юноша придерживал донельзя довольную малышку Мирабэль дель Виарен (в кои-то веки ее тоже взяли вместе со всеми!), наряженную в длинное официальное платье и плащ. В руках девочка сжимала мягкую игрушку – лохматого медвежонка. Конечно, это было некоторым отступлением от парадного церемониального облачения, но без Бима маленькая принцесса идти отказывалась наотрез. Нрэн проклял тот день, когда согласно обычаю установили, что на церемонии у храма должны присутствовать все члены семьи, и умыл руки, велел Лейму получше присматривать за сестренкой, чтобы та не успела нашкодить. Пока Мирабэль вела себя прилично.

Итак, дав собравшимся некоторое время поглазеть на свое великолепное семейство, король поднял руки, приветствуя народ, и площадь вновь восторженно взревела. Лимбер опустил царственную длань, и словно по волшебству, воцарилась оглушительная тишина, нарушаемая лишь легким треском и каким-то шуршанием. Тихонько скосив в сторону глаза, Элия едва удержалась от смеха. Слева от помоста виднелся Конан. Небрежно нацепив на плащ брошь гостя, обеспечивающую ему полную неприкосновенность, мужчина с любопытством глазел на происходящее и попутно лушил орехи, извлекаемые из объемистого кулька. Рядом с ним отирался Связист. Как раз сейчас он пытался потихоньку отобрать у приятеля источник подозрительных звуков. Конан упрямылся, ни в какую не желая расставаться со своей собственностью. Окружающие косились на невеж с изрядной подозрительностью, но вмешиваться не решались: принцам виднее, кого приглашать на праздники.

Глаза Элии отыскивали и Злата. Несмотря на царившую на площади толчею, вокруг Повелителя Межуровнья, расположившегося у края помоста, на одном из самых почетных мест, оставался широкий пятачок свободного пространства, на который почему-то никто не решался покуситься. Оставив Злата, богиня переключилась на беглый осмотр официальных представителей миров, ближних и дальних, которые тоже теснились перед помостом. Многих из них богиня неплохо знала, кое-кому даже симпатизировала, впрочем, были среди этих субъектов и те, чью «случайную» кончину принцесса с радостью приветствовала бы. Но

торжественное мероприятие есть торжественное мероприятие, приходилось терпеть на нем всех желающих, вне зависимости от личных пристрастий...

Лимбер заговорил, и его мощный голос перекрыл все слабые посторонние звуки, привлекая к себе всеобщее внимание.

(За отсутствием полной стенограммы выступления его королевского величества и неимением личной склонности к составлению официальных праздничных поздравлений, автор приводит лишь краткое содержание речи, весь смысл которой в целом сводился к следующему: «Мои подданные! Мы неплохо поработали на благо государства в этом году, обещаю, что я и моя семья будем заботиться о вас, как и прежде, приумножать благосостояние королевства и защищать вас. Сейчас Силы подтвердят легитимность моего правления, и пойдем праздновать.»)

После первой части выступления, приветствий и беглого обзора великих достижений королевства Лимбер перешел к магической части процедуры.

– Как и прежде, в нашем мире соблюдаются законы Великого Равновесия, Силы Источника, Двадцати и одной, Силы Великого Равновесия благоволят нам! – торжественно провозгласил король и сделал многозначительную паузу.

Вокруг королевской семьи заплясали, переливаясь, разноцветные искры, потекли, свивая причудливые полупрозрачные узоры прямо в воздухе, потоки Силы Источника, один из которых, окрасившись в серебристый цвет, легко подхватил с пьедестала корону Лоуланда и торжественно водрузил ее на голову Лимбера, потом прошелся по знакам-брошам принцев и принцессы. Знаки отличия ответили на эти прикосновения ослепительными сполохами.

Толпа разразилась восторженными криками, славящими короля и его семью. А представление продолжалось. Массивные двери храма Творца позади помоста бесшумно распахнулись, изливая ослепительный свет, и возникли изящные серебристо-белые силуэты легкокрылых динолей. Их было ровно пятнадцать, по числу стоявших на помосте богов – великая честь, знак, говорящий о том, что все члены королевской семьи в милости у Сил. Толпа послушно отхлынула, освободив для животных достаточное пространство.

Оставив четырнадцать своих сородичей у храма, вожак динолей двинулся к помосту, гордо задрал голову, потряхивая длинной гривой и помахивая серебристым хвостом. Копыта выбивали на плитках витаря торжественную дробь. Взмахнув крыльями, животное преодолело ступени и оказалось на помосте. Неторопливо приблизившись к Лимберу, зверь, воплощающий волю Сил, коснулся серебристым рогом броши короля – знака Хранителя. Брошь вспыхнула ярким светом, более ярким, чем тот, которым сияли знаки принцев.

И вновь по площади прокатилась волна ликующих криков, прославляющих короля. К счастью, впавшая в состояние религиозного экстаза толпа не видела, вернее, пока не замечала того, чем занималась младшая принцесса. Видел это лишь строгий Нрэн, но ничего не мог поделать.

Сначала малышка стояла спокойно и восхищенно оглядывала любимых братьев и сестру, но потом просто стоять ей стало скучно, захотелось пройтись по помосту и потрогать блестящие штучки на камзоле Рика, рукоять меча Кэлера, да и много других великолепных вещей. А Лейм крепко держал девочку за плечо и никуда не отпускал от себя. Однако, как только началось представление с явлением Источника и динолей, молодой бог, в силу своей романтической натуры замороженный происходящим, невольно ослабил контроль. Воспользовавшись этим, Бэль, очарованная чудесными животными не менее, чем брат, выскользнула из опекающего кольца рук.

Маленькая принцесса деловито сунула Кэлберту игрушечного медвежонка и назидательно бросила:

– Подержи!

Потом устремилась к интересующему ее объекту. Прежде чем кто-либо успел ее остановить, девочка добралась до диноля и, восторженно попискивая, принялась гладить чудесного зверя. Животное купалось в излучении чистой невинности, жмурилось от удовольствия и напрочь позабыло об официальной миссии. Морда под ласковыми ручками малышки выражала истинное блаженство. Ничего не подозревающий о случайности происходящего народ завопил еще более восторженно и полностью заглушил первые слова заключительной речи короля.

Поймав многозначительный взгляд Лимбера, диноль виновато моргнул и, осторожно ступая, отвел девочку прямо в цепкие руки обмершего от испуга Лейма, которого едва не поджарил на месте уничтожающий взгляд Нрэна. Позволив малышке еще немного себя погладить, зверь лизнул на прощанье ее руку и легко взмыл с помоста, чтобы вернуться к сородичам. Малышка дружески помахала вслед животному ручкой, и Кэлберт вручил сестре отданную ему на временное хранение игрушку. Лимбер перестал многозначительно хмурить бровь и продолжил свое торжественное выступление. Оставалось сказать совсем немного. Король никогда не любил длинных речей. Толпа внимала, а Элия и принцы от нечего делать следили за толпой.

Вот диноль вместо того, чтобы идти, как и шел, по прямой, резко остановился и, испуганно фыркнув, по широкой дуге обогнул зловещую фигуру Злата, а потом неожиданно скакнул влево. Воздух на свободном пространстве, от которого отскочил единорог, пошел радужной рябью, вдруг проявился пушистый ярко-желтый зверь размером с эльфийскую лошадку, больше все же похожий на странную смесь медведя и бурундука. Оказывается, в толпе уже бродил Зверь Счастливчик, привлеченный сборищем Сил и везучих богов. Обнюхавшись, животные расстались. Диноль, исполнивший свой долг, наконец дошел до храма и исчез в ярком свете вместе со своими сородичами, перенесясь, вероятно, в Гранд или Сады. А Зверь Счастливчик, абсолютно счастливый от своего присутствия на мероприятии, принялся носиться в толпе, игриво подталкивая толстым задом с забавным куцым хвостом приглянувшихся ему избранников.

Когда король закончил свою речь и толпа разразилась заключительными аплодисментами вперемешку с восторженным ревом, Зверь Счастливчик, даже одно легкое прикосновение к которому должно было даровать великую удачу, взобрался на помост и под восторженный визг Мирабэль принялся толкать принцев и дружески облизывать им физиономии. Избежали столь интимной ласки только Энтиор и Мелиор, спрятавшиеся за спины родичей.

Так завершилось явление великой королевской семьи народу. Получив благословение Сил Источника, Великого Равновесия, а также Двадцати и Одной в лице Сил Удачи, воплощенных в Звере Счастливчике, боги отбыли в замок, чтобы переодеться к карнавалу. Тем же занялись и все жители и гости города, которых в самом скором времени ждали вечер и бессонная ночь, полные развлечений, музыки, танцев, бесплатного угощения и питья.

В одной из малых (условно малых, конечно) гостиных второго этажа замка хозяев ожидали несколько бутылок лучшего лиенского вина, чтобы царственные особы могли отпраздновать успешное завершение официальной части первого дня Новогодья. Радостно загудев, принцы принялись копаться в батарее бутылок, выбирая то, что придется по вкусу. Элия аккуратно вклинилась между братьями и тут же завладела единственной бутылкой вендзерского, а фельранское захапал Джей. «Лиенскую осень» по-братски разделили Ноут и Мен-тор, Тэодер взял «Гранат», Энтиор предпочел «Нежный рубин», а Мелиор «Звездный водопад»...

Пока родственники были увлечены сложной проблемой выбора напитка, Лейм тащил упирающуюся Бэль к выходу. Бог отлично понимал: если он сейчас не успеет удалить сестренку из гостиной и смыться, их ожидает изрядная выволочка от сурового брата Нрэна.

Великий воитель и еще более великий традиционалист никогда не забывал высказать свое мнение о неподобающем поведении родственников, особенно если дело касалось официальных мероприятий. Так что самым лучшим для провинившихся было не попадаться Нрэну на глаза.

– Что ж, ребята, отмучились! Предлагаю выпить за то, чтобы такие мероприятия и в будущем случались не чаще раза в год, – объявил король, наполнив свой здоровенный кубок, куда как раз вместились содержимое всей бутылки «Алого заката».

– А мне понравилось, пап... все эти диноли, Счастличик, – заухмылявшись, томно протянул Джей, любовно оглаживая добытую бутылку. – Слегка напоминает знаменитый зоопарк Тагири.

– Ох уж эти Силы, как они любят спецэффекты и как мало думают о логике восприятия созданий плоти, – патетически поддержал брата Рик и обмолвился в заключение: – Твой приятель Связист, сестра, конечно, не в счет.

– Толпе понравилось, – вступилась за Силы богиня, смакуя вендзерское. – А ваши особенности восприятия, компания извращенцев, никто и не должен был учитывать. Если уж на то пошло, если бы Силы ориентировались на вас, сегодня по площади порхали бы не диноли, а обнаженные красотки.

– Отличная идея! – громогласно поддержали принцессу братья, звеня бокалами. – Может, в следующий раз Силам на это намекнуть?

– Попробуйте, но сегодня обнаженных красоток вам придется поискать в другом месте, – улыбнулась Элия и снова пригубила вино.

Оставив братьев обсуждать возможные варианты явления Сил на очередное Новогодье, богиня решила пообщаться с Нрэном. Кузен, сжимая в руке бокал с «Лиенским звездным», хмуро поглядывал на двери, через которые смылся Лейм. Богине показалось, что бог явно собирается отправиться на поиски виновных в нарушении традиций и неподобающем поведении на площади. Спасая юного родича, принцесса подкралась к грозному воителю в лучших традициях эльфийских следопытов и, положив руку ему на локоть, тихонько прошептала:

– Ты сегодня просто великолепен, дорогой. Обожаю мужчин в форме и при военных регалиях. Ты так внушительно выглядишь, лучше – только в парадных доспехах, тех, с разноцветными перышками чивири.

Нрэн поперхнулся вином и беспомощно уставился на кузину, гадая, как она вообще могла приблизиться к нему после всего того, что произошло утром. Мысли о грозном возмездии, которое должно было постигнуть Бэль, а заодно и Лейма, почему-то выветрились из головы.

– Э-э-э, – как всегда мудро поддержал беседу с сестрой «не в меру словоохотливый» бог войны.

Легкая рука Элии, лежащая на его руке, жгла, как огонь, разодранную на клочки от любви и ревности душу Нрэна.

– Обязательно нужно будет заказать твой парадный портрет для галереи Портретов и Зеркал, милый, заодно пусть и мне копию напишут, – продолжила невинный разговор принцесса.

– Лучше пусть дорисуют несколько новых цацек на том, что уже есть, чтобы не тратить бездну времени, – встрял с «разумным» советом Джей. – Опять же дешевле обойдется.

Элия метнула в сторону брата убийственный взгляд, Нрэн коснулся меча, и принц тут же сменил свое мнение на прямо противоположенное:

– А с другой стороны, пусть рисуют. Должны же мы материально поощрять высокое искусство.

Выдав эту тираду, проныра поспешил спрятаться за широкую спину Кэлера, осушающего уже вторую бутылку «Южной короны». Иногда Нрэн очень странно реагировал на слово «высокое».

– Шут, – брезгливо процедил воитель, снимая руку с эфеса меча.

– У каждого своя божественная суть, дорогой, – прежним проникновенным тоном прошептала принцесса. – Ты – великий воитель с длинным мечом, он – вор и шулер с длинным языком.

Принц важно кивнул, признавая правоту Элии. За беседой с сестрой бог и не заметил, что все родственники уже опустошили свои бокалы и собираются расходиться. Почему-то, когда принцесса была рядом, замечать что-то, кроме нее, а также думать становилось весьма затруднительно. Вернул Нрэна к действительности громкий возглас Лимбера, перекрывший общий галдеж.

– А теперь айда веселиться! Город ждет нас, ребята! – повелел король и, широко ухмыльнувшись, добавил: – Надеюсь, дамам мой костюм придется по вкусу.

– Особенно то, что под ним, – уже из дверей, с недоступного для всяких нрэнов расстояния, ляпнул Рик и под общий смех юркнул в коридор, догонять Джея.

Довольно посмеиваясь и подкалывая друг друга, толпа принцев разбрелась по своим апартаментам – одеваться к городскому карнавалу. В гостиной остался лишь сам король и незаметно отступивший за тяжелую портьеру у крайнего окна Тэодер. Теперь принц серой тенью выскользнул из своего убежища и тихо осведомился:

– Что, дядя?

– Ты видел сегодня в толпе этого пронырливого ублюдка Тарака Ро’дольски из Чалнура?

– Да, ваше величество, – вежливо кивнул принц, сразу переходя к официальной форме обращения, поскольку речь зашла о делах.

– Я больше не хочу его видеть, – с ласковой улыбкой голодного дракона признался Лимбер.

Тэодер мягко улыбнулся королю в ответ, вежливо кивнул и спокойно вышел из малой гостиной.

Лейм почти тащил по коридору упирающуюся Бэль, стремясь поскорее удалиться на как можно большее расстояние от строгих очей Нрэна. Конечно, теперь, исполняя обет, принцу ничего не стоило обругать старшего брата, да вот только юноша всерьез подозревал, что не осведомленный о характере данного богом техники обета воитель может, как встарь, основательно нашлапать провинившегося в сквернословии. А пробовать его руки не хотелось.

Маленькая принцесса, не подозревая о серьезной угрозе, нависшей над ее мм... головой, восторженно кричала на ходу:

– Лейм, а почему Счастливчик желтый? Ой, он лизнул меня прямо в лицо! А у диноля такая мягкая шерстка. Лейм, я хочу его еще погладить, а вот бы на нем покататься и полетать!

Быстро, пока Бэль не излила на него новую порцию бесконечного восторга, принц ответил:

– Завтра после завтрака поищем динолей в Садах и попросим, чтобы они разрешили себя погладить, сестренка. (Вопрос полетов и поездок как рискованных развлечений бог предпочел замолчать.)

– Пойдем сегодня, – с ходу предложила девочка, в глазах загорелся огонек энтузиазма.

– Сегодня не получится, малышка, я уйду в город на карнавал, – виновато промолвил Лейм.

– Я с тобой, – тут же поменяла планы на развлечения принцесса.

– Извини, сестренка, но детей на такие праздники не берут, – пояснил принц, отводя взгляд.

Бэль нахмурила бровки и собралась закатить скандал по поводу очередной вселенской несправедливости.

Бог романтики поспешно продолжил, задабривая девочку:

– Но я обязательно принесу тебе мешок сластей и подарки, обещаю. Не сердись, маленькая.

Глядя в серьезные глаза брата и чувствуя, что если она сейчас заревет, то он очень огорчится, Бэль тяжело вздохнула и, сменив гнев на милость, заявила:

– Ладно.

Сгрузив сестренку на руки няне, Лейм поспешил в свои покои, чтобы переодеться к маскараду. Удобные черные брюки, мягкие сапоги, простая куртка того же черного, излюбленного официального цвета аристократии, полумаска да широкополая шляпа с огромным плюмажем из ярких перьев составили практичный наряд бога. Плащи юноша не любил, считал, что они вечно путаются под ногами и дают завязками на шею.

Одевался принц быстро, чтобы успеть к условленному сроку. Ровно в семь у ворот замка его должен был ждать Элегор. В последние годы друзья часто развлекались вместе.

Облачившись в маскарадный костюм без определенного названия, Лейм, чтобы не тратить времени даром, телепортировался прямо на место встречи. Элегор уже маячил у парадных дверей, поддразнивая стражников.

– Готов? – с ходу бросил герцог, хлопнув принца по плечу.

– Прекрасный вечер, – по привычке вежливо поздоровался Лейм и кивнул, с улыбкой отмечая, что наряд приятеля не слишком разнится с его собственным: та же удобная одежда черного цвета и шляпа с безумными перьями. Только вот в придачу на Элегоре был плащ, нежно переливающийся всеми цветами радуги. «Эльфийская вещичка», – сразу решил принц и отметил:

– Классный плащ!

– Ага, – фыркнул герцог, взмахнув полой одеяния, отчего цвета завертелись в радужном хороводе, и признался со скорбным вздохом: – Каждый раз даю себе слово вырядиться во что-нибудь кричаще алое с позолотой, да все силы духа не хватает. Где бы прикупить немного безвкусицы?

– Может, у Рика, – съехидничал в ответ друг, чувствуя себя легким, как перышко, и свободным.

– Я, конечно, «этот сумасшедший Лиенский», – Элегор в точности воспроизвел брезгливые интонации Энтиора и даже его надменный взгляд, – но еще не рехнулся настолько, чтобы пытаться купить что-нибудь у Рика.

Так, перебрасываясь шутками, друзья быстрым шагом двинулись по дороге в город. Дивный вечер, полный предвкушения грядущих развлечений, располагал к небольшой, почти неспешной (совершенно не спешить герцог просто не мог) прогулке.

– А где ты потерял Оскара, «сумасшедший Лиенский»? – иронизируя, спросил Лейм, когда ворота в замок остались позади. – Окончательно спятив, ты, наверное, заточил несчастного поэта в какой-нибудь из своих знаменитых подвалов?

– Точно, – радостно согласился молодой бог, и веселая улыбка на его губах стала похожа на оскал безумца. – Так что, пока вспомню, в какой именно, парень точно сопьется. А вообще-то у него опять острый приступ вдохновения, строчит так, что бумага едва ли не дымится, но, когда я смог на секунду вырвать у него перо, писатель пообещал потом, когда закончит, отыскать нас в городе. Я ему маячок дал.

– Здорово! Кстати, о посещении мероприятий. Я что-то не видел тебя сегодня на площади, – заметил бог романтики, пытавшийся отыскать друга в толпе.

– Это потому, что меня там не было, – объяснил Элегор, топнув особенно громко по широкой плитке дороги, оберегаемой от осенней грязи чарами чистоты.

Еще не хватало, чтобы путь в королевский замок пролегал по непролазной грязюке! Творец с ними, с гостями, сами напросились, пусть плюхаются, но ведь и членам королевской семьи иногда хотелось пройти пешком, да и поставщики провизии и прочих товаров по воздуху не летали!

– Терпеть не могу эту ерундень, – самым непочтительным и непатриотичным образом скривился дворянин. – Думал к концу явиться, да закрутился с этим Праздником Лозы и решил вообще не ходить. А что, моей полной благоговейного восторга физиономии там как раз и не хватало?

– Конечно, еще дядя Лимбер все время спрашивал, где герцог Лиенский да где герцог Лиенский? Я ответил, что ты, как увидел прекрасных динолей, так забился в экстазе и пополз отлеживаться в ближайшую подворотню, – заулыбался Лейм.

– Как приятно иметь друга. Он всегда готов подставить свое мужественное плечо и протянуть руку помощи в час нужды! – радостно воскликнул герцог, ткнул принца локтем, махнул в сторону шумного города, переливающегося в сумерках тысячами разноцветных и разноформенных огней, и провозгласил: – Вперед, карнавал ждет нас! Повеселимся на славу!

– Только сначала мне нужно купить Бэль подарки, – вспомнил обязательный принц и предпочел не заметить брезгливой гримасы, появившейся на лице Элегора при упоминании назойливой соплюхи.

Глава 4

Карнавальная ночь

Карнавал во всех странах света, сохранивших этот похвальный обычай, есть пора свободы, когда люди самых строгих правил разрешают себе безумства.

А. Дюма. Граф Монте-Кристо

Горят плантации коки. Ветер дует на Рио-де-Жанейро. Видимость двадцать см. Люди не жалуются. Мэрия две недели не может остановить карнавал.

Анекдот

Нет, это не Рио-де-Жанейро!

И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок

А в городе, там, куда направлялись Лейм и Гор, уже царил праздник. Шумная радостная толпа выплескивалась на улицы и площади. Столица принимала всех: и тех, кто за полным отсутствием средств довольствовался лишь обязательной полумаской, скрывавшей лицо, и тех, кто щеголял в потрясающих роскошью карнавальных костюмах. Сейчас в общей сутолоке и суматохе стерлись границы между нищими, простолюдинами и богачами. Дворяне, ремесленники, простые горожане, торговцы, гости города и прочие, прочие смешались в одно целое, и уже невозможно было понять, кто есть кто. Карнавал увлекал всех.

Пожалуй, единственным живым существом в Лоуленде (не считая больных и немощных), не пожелавшим присутствовать на маскараде, был принц Нрэн. Если прочие мероприятия официального характера, даже балы, бог посещал с завидной регулярностью, следуя традициям и чувству долга, то принимать участие во всеобщем безумстве Новогодья великий воитель не желал ни под каким видом.

Поэтому, пока все веселились на карнавале, бог сидел в своей комнате отдыха, окруженной звукоизолирующим заклинанием, читал книгу по стратегии, написанную одним из приятелей, и пил крепкий зеленый чай из любимой фарфоровой чашки с золотой росписью. В целом замке оставались лишь Нрэн да те несчастные стражи и слуги, коим выпала горькая доля дежурить в праздничную ночь.

Словом, среди этой тишины и редкого безлюдья принц мог бы быть абсолютно счастлив, если бы не скорбная мысль о том, что Элия сейчас танцует где-то в городе со смазливими кавалерами, да и не только танцует...

Итак, исключая больных, тех, кто вынужден работать в Новогодье, да принца Нрэна (с психической точки зрения его высочество, наверное, можно было отнести к первой группе), весь Лоуленд праздновал и веселился.

Праздничный город был по-особому красив. Сгущавшийся сумрак озаряли огни магических фейерверков, в изобилии расцветивающих небо, горели факелы, магические фонари; фасады домов и деревья обвивали разноцветные гирлянды из натуральных и иллюзорных цветов. Прямо на улицах показывали свое искусство маги, создавая прекрасные образы на забаву зрителям; жонглеры, акробаты, шуты откалывали потрясающие номера, пели и играли менестрели.

Среди последних было немало тех, кто прибыл в столицу с опозданием и не смог принять участия в отборочном турнире. Сейчас неудачники старались вовсю, надеясь на счаст-

ливый случай, на то, что их заметит кто-нибудь из членов королевской семьи и своей волей дарует право выступать на турнире Серебряной Лиры.

Кэлэр в костюме стражника, Связист и Конан, изображавшие его подручных, бродили по праздничному городу вместе. Начав загружаться в «Кривом Энди», теперь они уже хлебали дешевое и крепкое пойло из бочек, выставленных от щедрот короля Лимбера прямо на улицах для всех желающих, горланили непристойные песни, танцевали, переругивались с мужиками, щупали – и не только – пышных, готовых на все красоток в масках. Словом, развлекались от души, как могут развлекаться только настоящие мужчины, и намеревались развлекаться подобным образом до самого рассвета.

Мужчина в простом одеянии странника (куртка, штаны, стоптанные сапоги, потасканный плащ) и серой полумаске, опираясь на тяжелый высокий посох, отполированный тысячами прикосновений, неторопливо шел по улице Туманов. В честь праздника она приобрела загадочный вид. Разноцветные полупрозрачные облака лениво перемещались на уровне вторых этажей домов, а иногда неожиданно шустро, не давая времени опомниться, опускались прямо в толпу, заставляя разлученных «туманом» прохожих с шутками и смехом искать друг друга.

Рядом со Странником шли двое в масках. Любой с первого взгляда узнал бы в них юного Менестреля и Писца, хотя хорошенький Менестрель и был без своего инструмента, зато на поясе у Писца, как всегда, находилась коробочка с письменными принадлежностями.

– Для начала у нас есть небольшое поручение, – так тихо, что в шуме и толчее карнавала его слышали только те, для чьих ушей и предназначались слова, сказал Странник.

Двое разом кивнули, соглашаясь, и Менестрель с нежной улыбкой заметил:

– Заодно развлечемся, мы так давно не работали на улице.

На секунду покинув компанию, чтобы купить с праздничной скидкой пакет сладких пирожков с ягодами и орехами, Писец вернулся и осторожно поинтересовался:

– Что на сей раз?

– Одна из крыс раздрадила медведя, – принимая от Писца пирожок, небрежно ответил Странник, дитя дорог, сутью жизни которого был извилистый вечный путь. Менестрель залез в пакет спутника сам.

– Эй, красавчик, поцелуй. – Смазливому Менестрелю со смехом окружила толпа красоток в полумасках и принялась теребить.

– Слово дамы – закон для джентльмена, – высокопарно, как и подобает менестрелю, ответил юноша и принялся щедро раздавать женщинам поцелуи. Странник и Писец с готовностью подключились к процессу.

Десятью минутами позже, оставив жаждущих ласки красоток, мужчины двинулись дальше. Странник уверенно шел по городу, выбирая кратчайшую дорогу к цели в бесконечном лабиринте лоулендских улиц, улочек, площадей. Как? Настоящий охотник всегда знает, где скрывается жертва, особенно если у него в кармане лежит прядка ее волос.

– Как в старину? – продолжил прерванный темпераментными дамами разговор Менестрель, покупая здоровенное яблоко и легко разламывая его на четыре части. Две достались Страннику, по одной его спутникам.

– Да, сладкий пирожок и шарфик, – кивнул Странник, с хрустом вгрызаясь в свою долю. Писец некоторое время разглядывал ровный сахаристый разлом, а потом осторожно откусил кусочек.

Миновав еще три улицы и пару переулков, компания остановилась на сравнительно тихой для начала Третьего кольца Лоуленда немногочленной улочке недалеко от средней руки трактира «Три лепестка розы».

– В этом есть свои символика и рок, – задумчиво покачал головой Писец с видом философа, прислушиваясь к задорной песенке, доносящейся из «Лепестков».

– Пожалуй, – с улыбкой бросил Менестрель вслед спутникам, которые, оставив его недалеко от входа в таверну, двинулись дальше в полутемный переулок.

Юноша менестрель остался один. Он терпеливо наблюдал, как разномастные клиенты входят в трактир и покидают его. Очень скоро – настоящий охотник всегда вовремя настаивает свою добычу – из «Лепестков» вышел щегольски одетый господин в пестром наряде и полумаске-бабочке. Напомаженные острые усики мужчины топорщились, как у настоящего насекомого. Весело насвистывая, господин направился по улице вверх, предусмотрительно держа руку на эфесе меча.

Словно невзначай, из тени дома навстречу ему шагнул юноша менестрель, стрельнул лучезарной улыбкой, сложил губы бантиком, тряхнул светлыми локонами длинных волос и, еле заметно виляя бедрами, направился к темному переулку.

Недолго думая – ночь карнавала на то и дана, чтобы веселиться, удовлетворяя все желания плоти, – усач двинулся вслед за менестрелем, предвкушая сладострастную забаву. Послав преследователю еще одну соблазнительную улыбку, тот нырнул в подворотню. Щеголь, уже ни о чем не думая, ринулся за ним. В более густой темноте у самой стены снова мелькнула улыбка юноши.

– Ты такой красавчик, – похотливо выдохнул слегка пьяный мужчина, приближаясь к менестрелю. И это был последний выдох в его жизни. Позади франта неслышно выступил из темноты Странник. Он молниеносно накинул на шею жертвы удавку и затянул ее под веселый свист стоящего на стреме Писца.

Беззвучно захрипев, франт свалился под ноги убийце. Убедившись, что дело сделано, Менестрель сменил Писца у входа в подворотню, насвистывая ту же песенку в той же тональности. Песенка эта по странному совпадению тоже именовалась «Мой красавчик».

Странник аккуратно свернул и убрал удавку в бездонные недра своего плаща, потом вновь взял в руки тяжелый посох. Писец тем временем приблизился к трупу и принялся сноровисто освобождать его от всяких ценных мелочей: колечек, перстней, печатки, часов в серебряной оправе с изумрудами, пары цепочек, серег, браслета. Все это было передано Страннику и исчезло так же быстро, как и удавка. Потом Писец присел перед жертвой на корточки и неторопливо провел руками над телом Тарака Ро'дольски из Чалнура. Чуткие руки в чернильных пятнах ненадолго задержались на уровне груди, потом у полы камзола. Удовлетворенно хмыкнув, Писец передал Страннику несколько тончайших листов бумаги, исписанных мелким, убористым почерком.

В подворотне было темно, но никаких неудобств ни Страннику, ни Писцу это не доставляло. Они работали так же быстро, как и при ярком солнечном свете. Сделав дело, двое вернулись к Менестрелю, и компания двинулась дальше по улочке. Ночь маскарада только начиналась, и братьев ждали развлечения...

Потом, спустя две-три недели, побрякушки, снятые с жертвы, найдутся где-нибудь на окраине города, за Третьим кольцом, в канаве с трупами. И в Чалнур уйдет официальное письмо, в котором его королевское величество еще раз выразит сожаление по поводу безвременной кончины Тарака Ро'дольски и сообщит, что справедливое королевское возмездие не постигнет грабителей и убийц, поскольку кара небес настигла негодяев раньше, они передрались при дележе добычи. То, что нашли на трупах преступников, возвращается в Чалнур, к безутешным родственникам покойного Тарака.

Кроме того, в письме будет содержаться несколько прозрачных намеков на то, что негоже официальным лицам дружественных держав шляться по лоулендским трущобам. Ибо это может быть не только дурно истолковано принимающей стороной, но и, как показывает опыт, опасно для жизни.

Элтон и Кэлберт, так же как и брат Кэлер, особо ценили на маскараде выпивку, танцы, доступных девочек (почему-то маска делала жительниц Лоуленда необычайно темпераментными и сговорчивыми) и возможность хорошенько подражаться. Без этого последнего развлечения Кэлберт просто не мыслил полноценного отдыха. Увы, в городе, несмотря на буйство карнавала, было относительно спокойно благодаря следившей за порядком страже. Воины не давали хорошенько разгуляться доброй драке, поэтому несчастные принцы в поисках излюбленной потехи бывали вынуждены отправляться в самые дальние районы Лоуленда. Наиболее подходящим местом для потасовки принц-пират по-прежнему считал портовые таверны низкого пошиба и знал в совершенстве их местоположение. Туда Кэлберт потащил Элтона, наряженного, как и он сам, моряком. В третьей по счету забегаловке мужчинам повезло. Засучив рукава, с радостными воплями восторга принцы кинулись в драку.

О своем невозможном обете не посещать портовые таверны Кэлберт, конечно, «забыл».

На площади Фонтанов, одной из самых больших и знаменитых площадей Лоуленда, расположенной в самом центре престижного района Первого кольца, под веселую музыку оркестра менестрелей кружились в танце пары.

От площади растекались несколько улиц, в том числе и пара улочек с укромными уголками, где так удобно было целоваться парочкам, ускользнувшем из общего круга танцоров.

Даже среди разряженных в роскошные маскарадные костюмы красоток эта дама сразу привлекала внимание. Высокая брюнетка в черном, расшитом серебром платье с глубоким декольте и пышной юбкой отличалась той броской красотой, которая сразу приковывает взгляд. Бирюзовые глаза красавицы задорно сверкали, алые губы были раздвинуты в призывной улыбке, густые длинные черные волосы, собранные в высокую прическу, заколотую массивным серебряным гребнем, оставляли открытой длинную алебастровую шею. Серебряные серьги с сапфирами и кольцо сверкали в свете магических шаров. Бархатная черная полумаска, тоже расшитая серебряной нитью, ничуть не скрывала красоты незнакомки, лишь добавляла ее облику таинственной притягательности.

Леди не знала отбоя от партнеров, сменяющих друг друга пестрым хороводом. Ее чарующий смех, как холодный звон серебряного колокольчика, заставлял трепетать сердца ухажеров. Но, легко кокетничая со всеми, женщина в полумаске не спешила, она выбирала. Выбирала того, юного и невинного или развращенного и умудренного опытом, кто придется по душе и по вкусу во всех смыслах этого слова.

Принц Энтиор развлекался на свой лад.

Изящный Мелиор в одеянии странствующего мага тоже любил прогуливаться до утра в одиночестве по праздничному Лоуленду, ощущая себя причастным к толпе и одновременно странно далеким от нее. Он слушал песни менестрелей, забавлялся проделками шутов, заходил поужинать в один из лучших ресторанов города, любимую и очень дорогую «Королеву» или «Хозяйку морей», потом принц искал небольшое романтическое приключение с симпатичной и, разумеется, чистой незнакомкой (в такую ночь знатность не имела для бога решающего значения). Но, в отличие от многих своих родственников, принц никогда не забредал в трущобы, предпочитая любоваться красотами лучших улиц и площадей Лоуленда.

Вдоволь нагулявшись в городе, Мелиор возвращался в замок под утро, ловя последние отзвуки затихающего веселья. Принц частенько встречал бредущего домой Кэлера. Пьяный брат, горланящий песню и несущий на себе упившегося до бесчувствия приятеля, стал для бога своеобразным символом зарождения нового дня и конца праздника.

Двое мужчин, сияющих, как попугаи джунглей Арана, разноцветными перышками с преобладанием ярко-красных и зелено-желтых тонов, нашитыми на все детали костюма,

включая маски, начали свой вечер Новогодья с посещения «Лапочки». Когда-то это место называлось «У лапочки Бэрлитти», но с веками первоначальное название существенно сократилось, что, впрочем, не повлияло на качество обслуживания.

Это был один из лучших в городе ресторанов, специализирующихся на экзотической пище, потому он считался любимым рестораном принца Джея. Своим приятелям бог с восторгом заявлял, что там всегда вкусно кормят и никогда не путают заказы. Принц Рик тоже частенько посещал «Лапочку», но не по большой любви, а просто за компанию с другом.

В этот раз Джей с восторгом уплетал какое-то мясо (вернее, какие-то мяса, поскольку их было около дюжины сортов) под сладким молочным соусом, а Рик печально выуживал пирожок со сладкими ягодами из горчичного мусса. Каждый раз, приходя в ресторан, бог заказывал новые блюда в тщетной надежде обнаружить что-нибудь съедобное. За несколько лет исканий он все же сумел открыть несколько блюд, которые с натяжкой считал таковыми. Среди его достижений значились «Цавирупурсили» – нечто вроде огромных пельменей с творогом и «Бурнашид» – странное мясо в кисло-сладком соусе, происхождением которого, дабы не портить себе аппетит, Рик предпочитал не интересоваться. И на сей раз, оставив горчичные пирожки на милость всеядного Джея, рыжий бог заказал старый добрый «Бурнашид».

Основательно подзакусив, приятели решили, что теперь настало время почтить улицы любимого города своим присутствием. Расплатившись, они покинули «Лапочку» и нырнули в праздничный водоворот. Веселая суета и толкотня влекла бога сплетен и бога воров как магнит. Они и в обычные дни обожали шляться по улицам в поисках сплетен и растяп с пухлыми кошельками, что уж говорить о ночи Новогодья, поставляющей поводы для приятного времяпрепровождения в огромных количествах! Ах, сладкий запах сплетен Новогодья! Рик уже чуял его своим острым носом.

Конечно, все более-менее состоятельные или хоть сколько-нибудь смыслящие в высоком искусстве магии горожане загодя накладывали чары или покупали амулеты, маскирующие не только внешность, но и личную силу, характеристики души. Чем выше было мастерство мага или дороже амулет, тем лучше оказывалась маскировка, но никакие, вернее, почти никакие чары не могли стать преградой на пути бога сплетен и магии к вожаемой информации. Под его любопытным взором отчетливо проступала истина.

Джей обожал бродить по городу вместе с братом, но его интересовали не только сплетни. Особенно белобрысый пройдоха ценил возможность хорошо (в его понимании) пошутить над разоблаченными Риком господами и безнаказанно почистить приглянувшиеся карманы. К категории последних бог относил не только наиболее пухлые и звенящие серебряными монетками экземпляры, но и находящиеся на одежде чем-то не угодивших ему дворян. Косой взгляд, брошенный пару веков назад, и неправильная, по мнению Джея, улыбка вполне могли помочь их обладателю попасть в число потенциальных жертв. Впрочем, по какой-то странной закономерности обладатели косых взглядов оказывались одновременно и владельцами толстых кошельков.

Но Джей не был бы Джейм, если бы не совместил своей страсти к воровству с тягой к розыгрышам. На этот раз на поясе бога, заблаговременно прошвырнувшегося по нужным лавкам на прошлом семидневье, болталось два маленьких мешочка с сюрпризами. Несмотря на внешне безобидный и невзрачный вид, мешочки с заклинанием безразмерности таили в себе достаточно восхитительных тайн.

Быстро шагая в толпе, братья-«попугайчики» наслаждались прогулкой. Чутье Рика, как лучший поводырь, вело парочку по городу. Принцы глазели на праздничные улицы, любовались столицей: на Радужной улице пахло дождем, сияли иллюзорные арки радуг, сквозь них сновала молодежь, играя в салки, а несколько магов раздавали радужные шарфы, которые должны были испариться к утру (конечно, «попугайчики» дополнили ими свой гардероб);

на улице Сирени стоял одуряющий аромат цветов, и все вертикальные и горизонтальные поверхности зданий были покрыты гирляндами и букетами сирени, среди цветов-иллюзий встречалось немало и настоящих; улица Жемчужная превратилась в загадочный город русалок, сияющий на дне Океана Миров...

Бродя по городу, боги рассматривали не только чудеса, созданные стараниями магов-декораторов. Время от времени Рик пихал брата в бок и едва уловимым кивком указывал на любопытный объект. И братья начинали действовать.

Вот на Центральной площади у бочек с вином объявились Кэлер и его приятели. Все они хлебали дешевое пойло. Вот на улице Ирисов мелькнул меланхолично покачивающий головой в такт жалобной песне менестреля эстет Мелиор. А вот в уголке на улице Рассвета, в розовом мареве обнаружилась строгая графиня Диата, которая висела на шее у смазливового парня, ничуть не стесняясь толпы. Сверившись со своей ментальной картотекой, боги опознали в пареньке сына торговца Дата Черли. Джей негодуяще фыркнул, вспоминая, как эта стерва графиня ломалась целых два семидневья, прежде чем снизойти к его ухаживаниям. Словом, представился чудный шанс отомстить гордячке. Бог опустил руку в мешочек, любовно выбирая подарок. Быстрым шагом принцы прошли мимо милующейся парочки. А несколько секунд спустя раздался истошный визг. Топая ногами, дрожа от ужаса и отвращения, дама вытряхивала из своего обширного декольте огромного мохнатого паука. Сын торговца по мере сил пытался ей помочь. Милостью Джея животное не кусалось, только слегка щипало кожу. Но графиня, не являясь знатоком фауны Арана, все орала и орала. Эти звуки, выражаясь высоким языком поэтов, пролились бальзамом на израненное сердце бога. Завернув за угол, Рик и Джей весело рассмеялись.

Довольно хихикая, принцы двинулись дальше, мысленно «фотографируя» элиту Лоуланда в компрометирующих положениях, чтобы потом, если понадобится, с толком использовать добытую информацию. Мешочки с дохлыми и живыми сюрпризами пустели довольно быстро.

Остряку виконту Рельви достался второй дохлый паук размером с детский кулачок. Членистоногое упокоилось в кармане камзола виконта, заняв место извлеченного оттуда кошелька. Почившую луну назад крыску приютила в своей сумочке визгливая сплетница баронесса Ситари, юный граф Ференс Деграс, один из дружков Элегора, украсил свою шляпу безвредной змейкой исс, но расстался с красивым перстнем. Ловкий вор стянул его прямо с пальца юноши, увлеченного созерцанием эротической иллюзии...

На Торговой площади, куда заглянули принцы, сегодня не стояли ряды. Там кружился Хоровод – старинная лоулендская забава. Под звуки скрипок цепочка взявшихся за плечи друг друга мужчин и женщин со смехом двигалась по площади. Нарастал темп, все быстрее мелькали фигуры танцующих, и вдруг музыка обрывалась. По воле случая оказавшиеся напротив друг друга мужчины и женщины целовались. Игра, видно, только началась, и конкурсы на самый долгий, самый страстный и прочие поцелуи были еще впереди.

Среди играющих принцы углядели ублюдоного поэта Оскара, Лейма и герцога Лиенского. Позволив себе немного помечтать о размещении лучших экспонатов своей коллекции из обоих мешочков на теле и одежде Элегора, Джей со вздохом сожаления отверг эту идею. Все равно сумасшедший парень пришел бы в восторг от такого сюрприза. А Оскара Элия трогать запретила. Поэтому троице досталась щепотка чесоточного порошка, которую боги выдули через трубочку-телепорт. Но безумный Лиенский пришел в неопишуемый восторг от чьей-то шутки и все то время, которое, почесываясь, составлял заклятие нейтрализации, смеялся, как сумасшедший, на пару с Леймом. Впрочем, почему «как».

Чтобы не травить душу, вор увлек брата прочь с площади. Новые забавы ждали принцев, ведь содержимому мешочков пока не пришел конец.

На улице Роз тоже шла игра в круговой Хоровод с выбором, от традиционного Хорова эта игра отличалась лишь еще большей фривольностью. И среди наблюдающих за игрой боги заметили кое-кого знакомого.

Джей присвистнул, Рик метнул на брата опасливый взгляд, смешанный с восхищением.

Войдя в покои принцессы, Злат сдернул роскошную шляпу с изумрудными перьями и замер на месте как громом пораженный. Через несколько секунд к мужчине вернулся дар речи, и он смог сказать:

– Ого! Этот костюм и называется «принцесса Элия»?

Взгляд Повелителя блуждал между абсолютно невозможным, исходя из правил приличия, декольте и длинными, до середины бедра, разрезами на узкой черной юбке.

Элия тряхнула распущенными волосами и довольно кивнула, надевая черную полумаску с чарами неузнавания – последний штрих в сногшибательной маскировке.

– Тогда почему же я не видел на тебе такого раньше? – настойчиво потребовал объяснений Злат, разряженный в черное с изумрудно-зеленым. Для придания большего колорита костюму Повелителю пришлось разжиться брошью-кораблем на плащ.

– А я стеснялась, – с апломбом заявила принцесса. – Но сегодня, спрятав лицо под маской, могу предстать перед народом во всей своей красе!

– Сдается мне, слово «стеснение» ты, милая, вычитала в каком-нибудь словаре, – недоверчиво хмыкнул Повелитель, взмахнув шляпой. – Я скорее поверю, что твои скромные наряды были вызваны желанием избежать стихийного прироста числа воздыхателей, впрочем, и без того неизбежного.

– Ладно, признаюсь, – с видом кающейся грешницы вздохнула богиня. – Прирост поклонников меня не особо волнует, все дело в законах, регламентирующих одежду знати. Одно время меня это сильно возмущало. Но по здравом размышлении я пришла к выводу, что пользы от этих норм больше, чем вреда. Прекрасный Лоулэнд и без того смахивает на большой бордель, а так удаётся хотя бы соблюдать относительную внешнюю благопристойность и не распугивать наших особо нравственных приверженцев.

– Как всегда, логично, – иронично усмехнулся Повелитель. – Но сегодня праздник, а значит, законы не действуют?

– Да, – рассмеялась принцесса. – Боюсь, Лоулэнд сегодня – это одна большая улица Грез. Впрочем, других развлечений тоже будет предостаточно! Можно просто ходить по городу и глазеть. Трудрами магов-декораторов он превращен в настоящую сказку, каждая улица одета в иллюзию, иллюстрирующую ее название.

– О, – глубокомысленно кивнул Злат и тут же лукаво спросил: – И люди не боятся выходить из дома?

В ответ на недоуменный взгляд богини мужчина пояснил:

– У вас, насколько я помню из вчерашней экскурсии, в районе оружейников есть улицы не только с мирными романтическими названиями.

Элия представила себе важных оружейников,двигающихся перебежками от дома к дому под градом копий или мечей, которые сыплются с неба на улице Клинков, и расхохоталась. Тут же, соткав в воздухе иллюзию, порожденную живым воображением, принцесса дала полюбоваться на нее Злату. Повелитель тоже рассмеялся и подтвердил:

– Именно этого я и боюсь.

– Обещаю сегодня гулять по улицам только с мирными названиями, – торжественно поклялась принцесса и, взяв Злата за руку, перенеслась на улицу Дождя.

С неба на горожан тут и правда сыпался иллюзорный дождь из всякой всячины: забавных маленьких игрушек, цветов, бантиков, побрякушек и прочего мелкого галантерейного товара. Изредка дождевики оказывались настоящими, и поймавший их счастливчик стано-

вился обладателем «сувенира» на память о карнавале. Злату тоже повезло: пока они с Элией двигались в смеющейся толпе, пляшущей под дождем, с неба упала маленькая красная роза и, царапнув до крови шею Повелителя острым шипом, зацепилась за рубашку.

– Вот ты и обзавелся сувениром! – похвалила спутника принцесса.

– Ты имеешь в виду этот ужасный порез? – Злат коснулся исчезающей царапинки.

– Шрамы украшают мужчину! – усмехнулась богиня, ответив знаменитым присловьем, и потянула прикалывающего розу Повелителя дальше.

– Что-то у твоих красавцев-братьев я таких аксессуаров не видел, – удивился Повелитель Межуровня.

– Потому что их украшают шрамы врагов, – отрезала принцесса.

К тому времени, когда они вышли на благоухающую улицу Роз, Элии тоже посчастливилось обзавестись нетравмоопасным подарком – черной лентой, расшитой мелкими розами. Богиня тут же повязала ее на волосы.

У продавца в маске волка Элия купила любимые конусы из хрустящих вафель, начиненные кофейным кремом, воздушным суфле и пралине. Поделившись добычей со Златом, принцесса принялась уплетать лакомство.

Хрустя вафлей, Повелитель шел рядом с богиней, с некоторым неудовольствием отмечая, какие откровенно восхищенные взгляды бросают на его даму прохожие. Элия уже получила не один десяток комплиментов и примерно столько же нескромных предложений.

Задорная танцевальная мелодия, летящая с площади Встреч, привлекла внимание принцессы, а увидев танцующих, она радостно воскликнула:

– Хоровод!

И, позабыв обо всем, кинулась в круг, с головой нырнув в веселую игру.

Злат же, напротив, никуда не спешил. Встав у мраморной статуи влюбленных, Повелитель Межуровня счел необходимым для начала понаблюдать за происходящим. Взгляд мужчины, неотрывно следящий за танцующими и целующимися горожанами, был очень недобр. Похоже, он полностью вошел в роль кавалера богини любви!

– Ты что? – немного испуганно шепнул Рик, следя за тем, как огонь азарта разгорается в глазах брата, устремленных на кошель, висящий на поясе Повелителя Межуровня.

– А что? – хрипло ответил принц. – Такой шанс в жизни каждого вора выпадает только раз.

– Брось. Пошли лучше потанцуем. Смотри, какие девочки, та, разряженная под Элию, вообще просто картинка, – попытался отвлечь друга от преступных и опасных мыслей принц.

– Девочки будут и потом, – упрямо возразил Джей и, больше не слушая брата, шепнул: – Я пошел!

Скрестив на миг пальцы, призвав удачу, Джей втерся в толпу и заскользил к Повелителю Межуровня. Не применяя никакой магии, бог воров стал практически незаметен в своем пестром одеянии. Зная, как жертва способна чувствовать пристальный взгляд, принц смотрел как бы вскользь, пусть и отмечая при этом каждую деталь. Злат, не подозревающий о коварных планах Джея, не отрываясь, следил за танцующими. Видать, не смог примазаться к Элии на маскараде, а теперь не знал, на кого бы скинуться, и злился.

Все прошло как нельзя более гладко, никакой гром не прогремел с небес, никакие демоны не явились, Бездна Межуровня и та не разверзлась под ногами охальника. Кошель с перерезанными ремешками исчез в недрах плаща вора, снабженного множеством потайных карманов, кармашков и карманчиков. Дрожа от возбуждения, принц вернулся к Рику и качнул головой, приглашая следовать за собой. Изнывая от любопытства и нетерпения, боги

поспешно выбрались с людной площади в местечко поукромнее. Рыжий накинул на нишу в переулке у площади чары невидимости.

– Как у младенца! – довольно ухмыльнулся Джей и извлек добычу – черный кожаный кошель, приятно оттягивающий руку.

– Злодей, ты ограбил гостя Элии, – радостно укорил брата Рик, от нетерпения буквально приплясывая на месте.

Принц довольно кивнул и, помедлив еще несколько мгновений, смакуя приятнейшее чувство торжества, осторожно потянул за завязки кошелька и запустил внутрь пальцы. Миг, и азарт предвкушения сменился гримасой боли. Издав возмущенный вопль, Джей отдернул руку, отбрасывая прочь добычу. По тонким пальцам вора мельтешили маленькие черные жучки – кусачие, как людоеды, эндорские тараканы. Принц негодуяще вопил и попытался стряхнуть их со своей драгоценной конечности.

На беду Рика отброшенный кошель приземлился аккуратно на его сапог и выдал новую порцию насекомых, их армия стремительно ринулась на штурм ноги бога, запросто прокусывая плотную ткань брюк.

Укусы быстро распухали и зверски чесались. Дружно крича и ругаясь, братья телепортировали кошель в Тихие Миры и принялись освобождаться от вездесущих злобных тварей. Наконец Рик припомнил заклинание «ядовитый туман» для уничтожения тараканов.

– Такой шанс, стало быть, выпадает раз в жизни? – стряхивая дохлых насекомых, с хмурой иронией протянул маг, цитируя слова брата. – Ну я рад, что только раз. Значит, свой мы уже пережили.

Обманутый в лучших ожиданиях Джей возмущенно фыркнул:

– Дурацкие шуточки извращенца из Межуровня!

– Ага, скажи спасибо, что это были не ярветские паучки, – хмыкнул Рик, почесываясь и составляя заклятие исцеления. – Пошли лучше в Хоровод поиграем или на Центральную площадь сходим, может, кошку еще не сняли.

– Пошли, – обреченно согласился вор, расправляя помявшиеся в борьбе с тараканами перышки на своем костюме.

Убрав заклинание незаметности, принцы направились к площади. Посредине ее издавна водружался огромный столб, покрытый несколькими слоями какой-то скользкой дряни, в рецепт приготовления которой принцы не вникали. А на самой верхушке столба помещали корзину с кошкой. Конечно, за простой хвостатой скотиной лезть на столб согласился бы разве что конченный идиот, но кошку в корзину сажали дорогую, фаруханской породы. И ладно бы милая киска спокойно сидела в корзине, дожидаясь своей участи, пока очередной кандидат штурмовал высоту. Так нет, обычно, пересилив страх, самоотверженная животина, оглушенная ревом толпы, покидала свое убежище и пыталась забраться по тоненьким планочкам еще выше, на самую верхушку столба. Если же кошку все-таки удавалось схватить, добытчик спускался на землю весь расплосованный милой домашней зверюшкой. Вот такие забавы принцы любили.

Но на сей раз Рик и Джею выпала участь зрителей. Когда приятели выбрались на площадь, огромный и изрядно пьяный бугай, раскидав всех скользких неудачников, прорвался к столбу с возмущенным ревом:

– Почто животинку мучаете?!

– Опять облом, и почему у меня столько братьев и только одна сестра? Вот она бы на столб точно не полезла! – разочарованно фыркнул Джей, наблюдая за тем, как сноровисто забираться вверх сердобольный Кэлер, а киска, вместо того чтобы, шипя, забираться вверх, радостно кидается ему на грудь.

Рик тоже тихонько вздохнул и предложил:

– Тогда пошли выпьем!

Идея брату понравилась, и принцы, проталкиваясь сквозь толпу и попутно освобождая ее от избытка наличности, пробрались к бочкам с бесплатной выпивкой, чтобы утешить души старым, проверенным способом.

После нескольких кружек мрак немного рассеялся, Джей начал мыслить позитивно, раздумывая над тем, что сейчас самое время поиграть в Хоровод или во что посерьезнее. Наверняка кое-где горожане уже набрались настолько, чтобы затеять игру «Подсолнухи». Вор поделился этими соображениями с Риком, и принцы снова отправились на поиски развлечений.

Разгоряченная танцами и играми Хоровода Элия наконец оставила круг и вернулась к Злату, все еще подпиравшему статую влюбленных в качестве третьего лишнего кавалера. Чело Повелителя Межуровня было хмуро, как грозовая туча, даже то маленькое развлечение, которое он устроил двум дерзким придуркам, не слишком позабавило его.

– Тебе не нравятся такие игры? – с веселой улыбкой поинтересовалась довольная принцесса.

– Нет, – с досадой ответил Злат. – Хотя, похоже, чем игра фривольнее, тем она больше тебе по нраву.

В ответ Элии невольно захотелось сказать Повелителю гадость, но она сдержалась, подчеркнуто спокойно согласилась:

– Да, ведь это тоже часть моей сути.

– Зато теперь я понимаю, зачем тебе понадобилась маска с чарами неузнавания, – ехидно продолжил Злат, желая побольнее уязвить принцессу. – Будь иначе, о доступности богини любви ходили бы легенды. Прекраснейшая из роз Лоуленда – лучшая и самая доступная из его шлюх.

А вот теперь принцесса не сдержалась. Звук хлесткой пощечины пронесся над толпой. Послышались поощрительные крики:

– Браво, малышка!

– Леди, еще разок!

– Иди ко мне, детка, раз этот парень тебя огорчил, быстро утешу!

– Помочь? – услужливо предложил какой-то здоровяк.

Отмахнувшись от досужих помощников, Элия создала вокруг себя кокон тишины и незаметности. Толпа разом утратила интерес к скандалящей парочке. Поднеся руку к лицу, горящему от пощечины так, как не ожгла бы и плеть демона, Повелитель Межуровня изумленно смотрел на богиню. Его никогда не была женщина, его уже очень давно вообще никто даже не пытался ударить, несколько тысяч лет или больше. (Безумный Нрэн не в счет.)

– Ты меня ударила?! – вымолвил мужчина, и в тоне его все еще было больше удивления, чем гнева.

– Смотри-ка, заметил, – процедила богиня и продолжила: – Никогда не смей оскорблять моей сути. Я такая, какой меня создал Творец, и не тебе, Темный Повелитель, судить о его деяниях. Ты не спал со мной, так не смей называть меня шлюхой. Шлюха ляжет под любого, а я сама выбираю себе мужчин. Ты нарушаешь законы гостеприимства, оскорбляя хозяйку.

Глаза Повелителя Межуровня метали молнии, но он молчал, размышляя о том, что если сейчас даст волю своей сумасшедшей гордости, то неизбежно порвется тонкая нить симпатии, связавшая его с богиней, то, ради чего он пришел в Лоуленд из Бездны. Как легко уничтожить эту надменную малышку, одно дуновение серого пламени – и не останется даже пепла. Но тогда что-то важное умрет и в его одинокой душе. Эта прекрасная женщина, которая, позабыв об опасности, отстаивает свои гордость и достоинство, вновь невольно восхитила его.

Отдав себе мысленный приказ успокоиться, Злат признал:

– Несправедливы были мои слова, порожденные обидой и одиночеством, я нарушил наш договор о невмешательстве, досадуя на то, что тебе так весело, а мне нет.

Элия кивком головы показала, что принимает то, что является почти извинением, требовать большего от Повелителя Межуровня было невозможно. Понимая, что тема закрыта, Злат продолжил:

– К тому же я проголодался. Ты же не дашь умереть с голоду своему гостю?

– Нет, я готовлю для тебя более мучительную кончину, – зловеще пообещала принцесса с самой коварной усмешкой. – Пойдем, здесь рядом один из лучших ресторанов столицы – «Корона».

Повелитель Межуровня кривовато улыбнулся богине в ответ и задумчиво заметил:

– Что ж, сегодня я лишний раз убедился в том, что, чем прекраснее роза, тем острее ее шипы.

– А как же иначе? Чем прекрасней цветок, тем больше желающих его сорвать, – в тон Злату ответила Элия с легкой иронией и сняла заклинание. Шумный маскарад снова закрыл их...

Карнавал шумел и на площади Лета близ улицы Акаций. Там тоже неистово наяривали скрипки и вился Хоровод. Среди других мужчин и женщин плясала леди с ярко пламенеющими кудрями в оранжево-красном, словно безумное небо Фаринзары, платье с пышной, отороченной мехом юбкой. Из-под полумаски рыжей лисицы задорно поблескивали зеленые глаза, а сзади на юбке кокетливо болтался пушистый хвост. Не зная отбоя от поклонников, лисица танцевала, заливисто смеялась и целовалась с мужчинами, которые выпали ей в хороводном кругу. Под разноцветным от огней фейерверков небом Лоуланда развлекалась леди Джанети, мать принца Рикардо, еще несколько столетий назад метко прозванная конкурентами итамосской лисицей.

На яркий огонь ее волос и страстной души, как мотыльки, слетались кавалеры, но красавица медлила, походя даря невинные ласки и ожидая того, с кем хотела бы поразвлечься этой ночью всерьез.

– Время самого длинного поцелуя, моя прекрасная госпожа, – подхватил общий клич мужчина, оказавшийся напротив леди в ту минуту, когда смолкла музыка и распался на пары Хоровод.

Рыжая, смеясь, подставила партнеру губы, как делала уже не раз в сегодняшней игре, и метнула на мужчину лукавый взгляд.

Глаза цвета зимнего неба блестели из-под полумаски, чувственным луком выгибались губы, темные кудри падали на воротник, расшитый астрологическими символами. На незнакомце был костюм гадалея, предсказывающего судьбу.

Сердце ветреной красавицы вдруг забилося сильнее, застучал в висках пульс.

«Вот он!» – почему-то решила Жанти, пока руки незнакомца обнимали ее, а губы тянулись к губам, и она, хитрая и расчетливая итамосская лисица, словно утратила рассудок и больше не задумывалась ни о чем. Страстный поцелуй стал ответом на все невысказанные вопросы.

Восторженными воплями поощрила толпа победителей соревнования, а победители, словно не заметив этого, продолжали целоваться сначала в общем кругу, потом в переулке рядом, среди горы пустых винных бочек, потом на широченной кровати в комнате какой-то ближайшей таверны.

Жаркие объятия, поцелуи, ласки разбудили пьянящую, бешеную страсть, от которой Жанти захмелела сильнее, чем от бочки самого крепкого дешевого вина. Шепот, шепот незнакомца с глазами цвета зимнего неба, его сильные руки, сладость прикосновений, хрипловатый колдовской голос. Дурманом, пряной волной нахлынула ночь на женщину и пота-

щила в омут безумств. Она не задавала вопросов и впервые, кажется, за целую вечность позволила себе просто любить. Может быть, зря...

Маскарад бушевал в Лоуленде, даря каждому забаву по душе. Развлекались горожане и гости, принцы, король и принцесса, хотя никто не мог поручиться, что видел ее в толпе.

На одну ночь позабыв обо всех проблемах, город купался в празднике, в Новогодье Лоулендом правил не король Лимбер Велинтайн Арабен, так же, как и все, отплясывающий на улице и заигрывающий с дамами, а его величество Карнавал. Он щедро жаловал подданных радостью и свободой от мира условностей и правил. Пусть это было иллюзией, но на одну ночь все подчинялись этой иллюзии, и она становилась реальностью...

Завтра будет новый день, с похмельем, заботами, бедами и печальями, но нынче народ веселился вовсю...

P. S. Если Вы, уважаемый читатель, сетуете на то, что автор обошел своим вниманием развлечения короля Лимбера, то вспомните: на обложке указан жанр романа – любовный, поэтому порнографические элементы в повествование не включаются.

Глава 5

О похищенных, обиженных и подаренных

*...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И – разбитое зеркало...*

С. Есенин. Черный человек

– Простите! – прохрипел Степа, чувствуя, что похмелье дарит его новым симптомом: ему показалось, что пол возле кровати ушел куда-то и что сию минуту он головой вниз полетит к чертовой матери в преисподнюю.

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

*– Что ж? Вздурим друг дружку?
– Подеремся часов до шести, а потом пообедаем.*

м/ф «Алиса в зазеркалье»

Около пяти утра в городе и в замке все еще слышались последние отголоски затихающего праздника: самые стойкие гуляки допивали последние бокалы и допевали последние песни. В шесть воцарилась долгожданная тишина, которая и правила до восьми часов.

Тихонько тренькнули настенные часики в виде улыбающегося солнышка, и принцесса Мирабэль пробудилась, узурпируя у тишины власть. Свежая, полная сил, переполненная радостным предвкушением грядущего дня, малышка вскочила с кровати. Как же можно спать, коли сегодня утром брат Лейм обещал поискать с ней динолей в Садах Всех Миров! Впрочем, если бы не поиски крылатых единорогов, девочка нашла бы другой, не менее важный повод для радости.

Покорно вытерпев неизбежное зло утренних процедур и проглотив завтрак, принцесса гордо объявила няне, что Лейм ждет ее, чтобы погулять в Садах, и прежде, чем старушка успела что-либо возразить, Бэль скрылась за дверью. Только сверкнула кружевная оборочка нижней юбки и мелькнул кончик рыжей косы плутовки.

Покои брата были рядом с ее комнатами. Толкнув полуоткрытую дверь, девочка вошла внутрь и весело завопила:

– Лейм! Привет!

Ей ответила тишина.

«Неужели он еще спит?» – слегка возмущенно, но большей частью недоуменно подумала малышка и по-прежнему в тишине прошлепала из маленькой прихожей в спальню. Частенько она находила там спасение, прячась от ночных кошмаров. Несмятое бледно-голубое покрывало застилало кровать Лейма. Никаких следов пребывания брата в спальне не обнаружилось. Разочарованно пожав плечиками, девочка расширила район поисков до гостиной. На столике у кресел Бэль тут же обнаружила первую улику – увесистый яркий мешочек, расшитый жар-птицами.

«Мои сласти!» – тут же решила малышка и, распустив завязки мешочка, принялась знакомиться с его содержимым. Фруктовые карамельки, пастила, засахаренные орешки, шоко-

ладные конфетки – здесь были все-все самые любимые сласти Бэль. Сунув в рот земляничную карамельку, девочка еще раз обвела гостиную недоумевающим взглядом, надеясь обнаружить брата. Вдруг он решил поиграть с ней в прятки? Или...

Тут что-то блеснуло в густом ворсе зеленого, как трава, ковра. Осколки зеркала! Ледяным вихрем в голове маленькой принцессы пронеслись воспоминания о страшных историях про демонов из Межуровня и разбитых зеркалах, рассказанные няней.

Проглотив с перепугу карамельку, девочка прыснула из комнаты в коридор замка и принялась долбить в запертые двери покоев братьев. Никто, никто не открывал!!! (Еще бы, все принцы крепко спали, всласть повеселившись на маскараде, тому же занятию по тем же веским причинам посвятили себя и их слуги.) Тогда Мирабэль помчалась к Нрэну. Уж он-то всегда вставал рано!

Влетев маленьким ураганчиком в покои сурового брата, Мирабэль промчалась к нему в кабинет мимо застывших, как изваяния, слуг и завопила:

– Нрэн, скорее!!! Лейма украли демоны Межуровня! Прямо из гостиной!

Не тратя времени на размышления или слова, принц вскочил, схватил меч и телепортировался к покоям младшего брата. Ворвавшись в комнаты Лейма, Нрэн огляделся и принюхался. Чужаками и кровью не пахло.

«Опять эта маленькая стрекоза что-нибудь напутала или нафантазировала!» – в сердцах подумал бог, но все-таки решил осмотреть местность более досконально.

Шаг, и Нрэн наткнулся на осколки зеркала – весомое доказательство, подтверждающее версию Бэль. По-прежнему не чуя угрозы, воитель впился взглядом в осколки – единственную улику. Да, приближенные Повелителя сильны, они могли и не оставить следов, но зачем им Лейм? Коварство демонов Бездны непостижимо. Вдруг их Повелитель пожелал заполучить бога романтики, чтобы шантажировать Элию? Но зачем ему ее шантажировать?..

Странное дело, чем больше Нрэн думал, тем сильнее запутывался в своих замешанных на ревности размышлениях. К тому моменту, когда воитель ощутил полную беспомощность и собрался вытряхнуть Рика из постели для расследования магических обстоятельств происшедшего (от начала размышлений до этого вывода прошло едва ли больше десяти секунд), в дверях гостиной нарисовался побледневший слуга Лейма с веником и совком в руках. Юноша робко спросил:

– В-ваше в-высочество, можно я тут приберусь?

– Когда ты обнаружил осколки? – рыкнул Нрэн, набрасываясь на возможного свидетеля или соучастника преступления.

Слуга испуганно всхлипнул и, все еще сжимая веник с совком, рухнул на ковер, потеряв сознание. Бога войны, ведущего допрос с пристрастием, мог испугаться любой, вот поэтому допросами и занимался Энтиор, пугавший более изысканно и поэтапно, чтобы жертва в полной мере успевала проникнуться сутью происходящего и максимально настроиться на сотрудничество!

Нахмурившись, принц взял со столика графин с водой и, не церемонясь, опрокинул на нервного парня. Очнувшись, юноша встал на колени и, глядя на меч воителя огромными, почти черными от ужаса глазами, забормотал:

– Простите, я нечаянно! Это случайно вышло. Я не хотел разбивать. Оно стукнулось о стол и...

– Ясно, – фыркнул бог.

К тому моменту, когда Нрэн почти всерьез уверился в том, что ему самому необходим лучший маг-целитель с квалификацией психолога для излечения обострившейся паранойи, до покоев Лейма добралась Бэль и спросила:

– Ты уже спас Лейма?

– Спас, – хмуро бросил принц и быстрым шагом покинул гостиную «похищенного брата».

– А где же Лейм? – услышал он у себя за спиной. – Ну где же? – расстроено повторила девочка, но так и не получила ответа на актуальный вопрос.

Прихватив со столика мешочек со сладостями (все равно спасенный Лейм отдал бы его ей), малышка вздохнула и решила, что, раз брат не обнаруживается, ей придется пока поискать чудесных динолей одной. Впрочем, одной в Сады Бэль уйти все равно не удалось. В команду по поиску дивных животных пришлось включить Нэни, да еще и переодеться для прогулки.

Под бдительным нянюшкиным оком маленькая принцесса начала обследовать Сады Всех Миров. Теплое весеннее солнышко, красота возрождающейся к жизни природы, стрекот насекомых, пение птиц доставляли эльфийке истинную радость, но мало-помалу прекрасное настроение Бэль начинало портиться. Диноли даже не думали находиться, сколько принцесса их ни звала. То ли не слышали криков девочки, то ли не хотели покидать зачарованных уголков, которые служили им прибежищем.

А сама малышка еще плохо ориентировалась в Садах, обладавших изрядным числом престранных особенностей.

Сады эти, и без того немалые, снаружи казались значительно меньше, чем изнутри, и незаметно, почти неуловимо менялись день ото дня. Там появлялась тропинка, тут исчезала, забредали неизвестно откуда удивительные животные, которых раньше не встречали, вырастали новые растения. Рик, например, клялся, что не может поручиться за то, что во всех уголках Садов Всех Миров царит одно и то же время года, не говоря уже о погоде. Магия Мира Узла, магия множества существ, населявших Сады, сделала их чем-то особенным, чем-то большим, нежели то, что они являли собой в начале, когда прадед Лимбера Леорандис посадил первое дерево.

Окончательно разуверившись в успехе своего предприятия, Бэль некоторое время бродила по тропинкам, сдерживая подступающие слезы разочарования, но чувствовалось, что еще немного, и малышка заревет, а нянюшка не знала, как успокоить девочку. Однако тут маленькая принцесса услышала стрекот белок и дружный птичий щебет, на несколько баллов превышающий общую интенсивность звукового фона. Любопытство вновь проснулось в Бэль, прогоняя печаль. Она подобралась поближе и увидела: на освещенной ярким солнцем укромной полянке у старого поваленного дуба сидел мужчина и какими-то семечками кормил с руки пичуг. Рядом спорили из-за орехов синие, зеленые и рыжие белки.

– Привет, Итварт! – радостно воскликнула девочка, узнав в незнакомце учителя Элии.

Слегка вздрогнув, воин вежливо поздоровался:

– Прекрасный день, Бэль.

Он совсем не слышал, как к нему подкралась маленькая принцесса-полукровка, да и животные ничуть не встревожились. Они всегда принимали Мирабэль за свою. Нянюшка, следовавшая за Бэль по пятам, благоразумно остановилась поодаль.

– Можно мне семечек, а я дам тебе булку? – попросила девочка, присаживаясь рядом с Итвартом на поваленное дерево, нагретое ярким весенним солнцем.

Воин улыбнулся и передал малышке пакетик с семенами. Взяв горсть, малышка протянула ее пичугам, которые с радостным писком спланировали на ладошку. Честно выполняя обещание, Бэль залезла в кармашек фартука и отдала Итварту одну из булочек, припасенных с завтрака. Мужчина начал крошить хлеб птицам.

Когда одна из серо-голубых зоулек, окончательно обнаглев, спикировала на голову Итварта, а две сели ему на плечи, как диковинные эполеты, Бэль залиvisto рассмеялась, и ее разочарование исчезло, словно случайная тучка в погожий денек. Так и сидели погожим деньком воин из мира Свартфальта, бог войны, лорд-страж крепостей, инициированный

Источником Сварта, и принцесса Мирабэль Лоулендская, наслаждаясь маленькими тихими радостями общения с природой и обществом друг друга, пока Нэни не глянула на часы, извлеченные из сумки с вязанием.

– Ох-хо-хонюшки, как времечко-то быстро бежит, уж и полдень, обедать пора, а ты, деточка, лорда Итварта задерживаешь, – дипломатично начала старушка, прекрасно зная характер своей подопечной.

Воин понял намек нянюшки и поддержал игру:

– Спасибо, что напомнили, почтенная матушка, самое время обедать, потом у меня занятия с ее высочеством принцессой Элией. Надо возвращаться в замок.

Делать нечего, докрошив последние кусочки хлеба и высыпав остатки семян на землю у дерева, Итварт и Бэль удалились с полянки, провожаемые дружным птичьим щебетом, в котором явно слышалось пожелание заходить еще и непременно приносить угощение.

Девочке не слишком хотелось возвращаться домой, но раз нужно было идти Итварту, она отправилась за компанию, хитрость изобретательной старушки сработала.

К полудню в замке начали просыпаться нагулявшиеся на карнавале принцы. Руки большинства из них жадно зашарили по горизонтальным поверхностям рядом с ложем в поисках противопохмельного средства – магических или лекарственных настоек. Впрочем, некоторые счастливицы либо пили в меру, либо нагрузились противоядием непосредственно перед маскарадом, а потому не страдали.

Принц Кэлер к таким везунчикам не относился. Под утро богу снился странный мучительный сон о горячей подушке, лежащей прямо у него на груди. Ощувив, что близится момент перехода в мир бодрствующих, принц, преодолев похмелье, потянулся и зашарил рукой по столику рядом с диваном. Нащупав бутылку, бог сделал несколько глотков и разлепил припухшие веки. Горячая кремовая подушка и впрямь оказалась у Кэлера на груди и смотрела на принца ярко-зелеными глазами. Сморгнув, мужчина сделал еще несколько глотков лекарственной настойки. Очертания подушки расплылись, и она превратилась в кошку, ту самую, которую бог выиграл вчера на карнавале.

Усмехнувшись, принц погладил зверушку по шелковистой спинке. Ее длинная шерстка приятно ласкала руку.

В ответ на ласку животное мурлыкнуло, зевнуло, продемонстрировав принцу узкий розовый язычок и набор острых зубок. Потом кошка потянулась и снова свернулась клубочком на широкой груди бога, показавшейся ей самым удобным ложем. Кончик пушистого хвоста прикрыл влажный розовый носик.

Кэлер улыбнулся и подумал: «Надо подарить эту красавицу сестренке!»

Когда Бэль и Итварт, довольные приятным времяпрепровождением, появились в замке, кое-кто уже активно вел их поиски.

– Привет, малышка! – раскатисто загремел по коридору мощный баритон Кэлера, приближающегося к сестренке с чем-то пушистым на руках. – Как денек?

– Кэлер! – радостно закричала Мирабэль и со всех ног кинулась к любимому брату. – Привет! Я хотела поискать динолей в Садах, но Лейма похитили демоны из Межуровня. Нрэн его спас, но его все равно нет. Я динолей одна искала, но не нашла, поэтому просто гуляла. Мы с Итвартом птичек кормили и белок. А кто это у тебя?

Принц продемонстрировал сестренке кошку, довольно взирающую на суматоху с высоты рук бога. Тот стоял неподвижно, пытаясь наскоро осмыслить ворох новостей, вываленных на него маленькой выдумщицей.

– Держи, она твоя! – великодушно заявил Кэлер и передал зверушку с рук на руки онемевшей от радости Бэль.

Но молчала девочка недолго. Пережив первый мощный прилив бесконечного восторга, принцесса затараторила:

– Ой, спасибо! Кэлер, я тебя так люблю! Она такая красивая! А как ее зовут?

Бог бардов задумчиво поглядел на свой подарок, сосредоточенно, но явно доброжелательно обнюхивающий новую хозяйку, и брякнул, припомнив одну из своих зеленоглазых любовниц с бешеным темпераментом и острыми коготками:

– А назови ее как хочешь, ну хоть Таисой.

Несколько секунд принцесса молчала, оценивая предложение и рассматривая кремовую красавицу кошку, а потом согласно кивнула:

– Да, это кошачье имя, и оно ей подходит.

– Прекрасно! – засмеялся Кэлер.

Улыбнулся и Итварт, остановившийся чуть поодаль и наблюдавший за происходящим.

– Пойдем, деточка, тебе кушать надо, и кошечке молока нальем, – воспользовавшись ситуацией, сориентировалась нянюшка.

– Таиса, пойдем кушать! – объявила Бэль своей кошке.

– Да, перекусить – это дело, – хмыкнул «голодающий» бог пиров и направился в одну из гостиных, куда сползались завтракать, а заодно и обедать родственники. Память о молоке, сметане и бульоне, выпитых полчаса назад, давно испарилась из желудка принца. Тот требовательно урчал, напоминая хозяину о своих нуждах.

В этот день Лейм проснулся оттого, что его требовательно трясли за плечо. Все еще не соображая, где он находится и кто его трогает, юноша присел на кровати и со стоном обхватил голову. Под нос сунули бокал, наполненный какой-то зеленой жидкостью. Рефлекторно опорожнив емкость, бог снова прикрыл глаза и пару секунд подождал. В голове ощутимо прояснилось, и бедолага понял, что находится он в городской резиденции Элегора на улице Лозы, а хозяин стоит рядом и сочувственно улыбается другу.

Заметив, что Лейм пришел в себя, герцог радостно и все еще слишком громко для перебравшего бедолага заявил:

– Прекрасный день, приятель. Здорово мы вчера погуляли и набрались крепко!

Принц только медленно и осторожно кивнул. Почему-то последствия неумеренного употребления спиртного юноша переносил тяжелее, чем все родственники. Но Лейм очень надеялся, что все дело в возрасте, опыте и многократных тренировках, так что со временем его толерантность к выпивке существенно повысится. Каждый раз, отправляясь на гулянки или праздники, принц верил, что наконец-то пришло то славное время и он перешагнул злополучный порог, но утреннее похмелье каждый раз доказывало обратное.

Вот и сегодня Элегор выглядел свежим, как лес после ливня, а сам Лейм чувствовал себя по меньшей мере вяло, если выбирать наименее крепкое слово из всех возможных, пришедших на ум. Принц даже не помнил, как он оказался в резиденции Лозы. В голове мелькали обрывки воспоминаний о Хороводе, виснувших на шее девицах, каких-то трактирах, орущем стихи и отплясывающем на столе Оскаре, менестрелях, которых герцог звал выступать к себе на праздник.

– Вставай, уже двенадцать! – радостно объявил Элегор, не дожидаясь, пока друг кончит мучительно размышлять. – Мне в Лиен пора, к Празднику Лозы готовиться, а ты можешь оставаться, завтрак в зеленой столовой накрыт.

– Спасибо, но я, пожалуй, отправлюсь домой, на семейный завтрак, – вздохнул Лейм, понимая, что нужно подниматься и идти.

– Как хочешь, не забудь только, в пять жду! – бросил герцог и исчез из спальни.

Лейм жалобно поморщился, сходил в ванную освежиться и активизировал загодя приготовленное заклинание смены одежды. «Пусть пользоваться для этого магией неприлично,

зато никто не увидит меня помятым», – рассудил юноша и телепортировался в замок, думая, что родичи уже собрались к трапезе.

И правда, братья, за исключением Нрэна, и дядя сидели за столом, как ни в чем не бывало налегали на еду и напитки. Мужчины шумно обсуждали свои праздничные похождения и достоинства опознанных и неопознанных карнавальных подружек. Хорошо хоть Элии за столом не было – не ей же слушать эту похабщину.

– Явился, похищенный наш? – широко ухмыльнулся Рик, с иронией глядя на кузена.

– Как поживают демоны Межуровня? – подхватил шутку Джей.

– Кем похищенный? Когда? Как? Какие демоны? – ошалело спросил Лейм, не в силах вникнуть в суть происходящего. Голова уже не болела, но соображалось все равно туго.

– Его похитили, а он не в курсе! – возмутился бог сплетен и, расхохотавшись, начал со вкусом пересказывать утреннюю историю.

Лейм присел, выслушивая сногшибательную повесть о своем зловещем похищении. Под конец принц уже не мог сдержаться и начал улыбаться, а потом и рассмеялся вместе с братьями, заметив:

– Наверное, Бэль рассказывают слишком много сказок.

– Лучше пусть переполошится лишний раз, чем не сообразит вовремя смыться при реальной опасности, – уже серьезно заметил Рик и вернулся к еде.

– Вот-вот, – поддержал Кэлер брата и настоятельно посоветовал Лейму: – А ты, парень, давай кушай, а то совсем зеленый сидишь, как елочка. Умрешь еще с голодухи, не дотянешь до Праздника Лозы нескольких часов. Как я тогда Элегору в глаза смотреть буду?

– Я уже ем, – чуть виновато улыбнулся принц и, притянув к себе свободный столовый прибор, начал наполнять тарелку тушеным мясом с молодыми овощами.

– О, Праздник Лозы, лучшие вина Лиена, ну как тут опять не надраться? – патетически воскликнул рыжий пройдоха, воздевая бокал. – Люблю я Новогодье!

– За то, что поят на халяву? – ехидно осведомился Джей, поливая шоколадным муссом салат из морепродуктов.

– И за это тоже, – важно отвечивал брат. – А выпить на халяву у герцога Лиенского приятно вдвойне.

– Да, это факт! – согласился бог воров и, отправив в рот первую порцию своей невообразимой еды, блаженно прижмурился.

– Нас много, и подвалам Лиена сегодня будет нанесен серьезный урон, – ухмыльнулся Лимбер. – Парень, наверное, луну перед праздником не спит, все подсчитывает убытки и приглашенных.

– Ага, проблема из проблем: меня надо пригласить, поскольку я покровительствую виноделию, Джея, потому что я без него не пойду, тебя как короля, Нрэна по долгу службы, Элтона как официального историка, а для души – Кэлера, Лейма и Элию, – быстренько произвел подсчеты доставленных официальных приглашений Рик и ехидно поинтересовался: – А тебя, Энтиор, опять не позвали?

– Такие мелочи не стоят моего высочайшего внимания, – с высокомерной небрежностью ответил вампир и показал клыки. – Я ведь все равно приду.

– То-то герцог обрадуется, – заржал король, чуть не поперхнувшись вином.

Кэлер быстренько стукнул отца по спине.

Лейм молча слушал ехидные шпильки, которые отпускали родственники насчет Элегора, справедливо полагая, что его возмущение, даже легко объяснимое обетом, лишь подольет масла в огонь.

Итварт шел к тренировочному залу, с задумчивой улыбкой вспоминая непоседливую проказницу-принцессу, так не похожую на его обстоятельного, не по годам серьезного после

пережитого горя малыша Янита. И все равно, несмотря на эту непохожесть, девочка пришла богу по нраву.

– Прекрасно, я уже хотел посылать за тобой. – Суровый голос вывел воина из задумчивости.

В тренировочном зале находился принц Нрэн, и в его взгляде, устремленном на Итварта, были лишь янтарный холод и недобрый блеск.

– Прекрасный день, – автоматически отозвался воин, склоняя голову перед прославленным Нрэном Лоулендским, лучшим воином всех миров. – Чем я могу быть тебе полезен?

– Выбирай оружие, я хочу посмотреть, на что способен тот, кто называет себя учителем, – коротко отозвался принц, и едва уловимая нотка ревности проскользнула в его пренебрежительном тоне.

– Честь для меня скрестить оружие с тобой, – вежливо поклонился воин, его душу переполнял восторг. Ведь ему выпало такое счастье, о котором можно только мечтать, – великая честь сойтись в поединке с самим Нрэном.

Итварт прошел к стойке с оружием и выбрал тонкий гибкий меч с заточенным острием и намеренно притупленными краями. Принц одобрительно кивнул, видя, что воин не зарывается, ибо предпочел наименее опасное оружие из того, что мог выбрать. Не унижаясь, Нрэн взял себе аналогичный меч и занял боевую позицию, предлагая противнику атаковать.

С первых же секунд поединка воин понял, что лоулендский бог значительно превосходит его в мастерстве, скорости реакции, силе. Ни о каком нападении не могло быть и речи, Итварт целиком сосредоточился на защите, используя все приемы и уловки, наработанные за века совершенствования в избранном ремесле. И все равно раз за разом принц легко проникал сквозь его оборону, нанося длинные, но неглубокие порезы.

Да, молва о великом Нрэне Лоулендском гремела по всем мирам! Только сейчас воину из Свартфальта показалось, что слава принца значительно преуменьшена. Скоро грудь и руки Итварта пестрели порезами с полужасохшей кровью, а пот липкими ручейками стекал по коже. А Нрэн все наступал, и огонек безумия горел в его золотых глазах, в какой-то миг богу показалось, что принц его убьет. Но тут лоулендец отступил, коротко отсалютовал партнеру по поединку мечом и нехотя промолвил:

– Хорошо, как Верховный Наставник по оружию, я позволяю тебе вести обучение моей... членов королевской семьи.

– Благодарю, – тяжело дыша, промолвил воин и склонил голову, признавая великое мастерство принца, которое ему довелось испытать на своей шкуре. Восторженное сознание того, что он фехтовал с самим Нрэном, легко заглушало боль от порезов.

Когда Итварт осмелился поднять взгляд, воителя в зале уже не было.

Элия крутилась перед зеркалом, оценивая новое платье, вернее, то, как новое черное платье с серебряной вышивкой сидит на ней. Звездный набор обрел видимые очертания и дополнил туалет богини. Этот наряд, расшитый на мотив виноградных лоз, предназначался специально для Праздника Лозы. И до его начала оставался всего какой-нибудь жалкий час. А потом танцы, игры, фейерверки...

– Ой, занятие с Итвартом! – неожиданно спохватилась принцесса, когда в ее голове родилась мысль, не связанная с ожиданием развлечений. – Я совсем забыла его отменить!

Богиня тут же поспешила исправить досадную ошибку и сплела заклинание связи. Учитель занимался чисткой оружия в своих покоях и откликнулся на вызов практически сразу. А вот Элия помедлила с приветствием, внимательно разглядывая многочисленные свежие царапины на руках воина.

– С Нрэном развлекался? – наконец поинтересовалась принцесса.

– Твой брат устроил небольшую проверку моего мастерства, – пояснил воин и довольно улыбнулся.

– Это сразу видно, – согласилась богиня и, больше не заостряя внимания на теме «проверок», попросила перенести занятие, а потом отключила заклинание.

Элия была рассержена. Почему-то проверять наставников братьев Нрэну в голову не приходило. Богиня собралась устроить кузену скандал, и не за располосованного Итварта (тот все равно был по уши счастлив из-за состоявшегося поединка с великим Нрэном). А за то, что кузен посмел решать что-то за нее, проверять ее учителя и судить о ее выборе, даже не поставив в известность о проверке саму принцессу. Кроме того, в глубине души Элия отлично понимала, что для скандала имеется еще один повод. Вчера родич слишком напугал ее своим поведением, неистовой, яростной силой, сметающей все на своем пути. А богиня ненавидела ощущение собственной беспомощности. Теперь ей срочно требовалось доказательство того, что происшествие было лишь следствием проклятия Серого Посланника. До Праздника Лозы еще оставалось достаточно времени на маленькую ссору.

Заклятие поиска обнаружило Нрэна у ручья в Садах. Уже переодевшись в официальный костюм, воин с отрешенным видом сидел на скамье у воды, коротая последние минуты в тишине и спокойствии среди природы.

Телепортировавшись к кузену, Элия с ходу начала его отчитывать:

– Нрэн! Кто тебя просил лезть в мои дела?

Первый взгляд, брошенный на кузину, был полон изумления. Но очень скоро до бога дошло, какой именно из его поступков получил столь суровую оценку.

– Э-э-э, я должен был проверить, достоин ли он того, чтобы учить тебя, – смущенно попытался оправдаться перед Элией воин, так же как оправдывал этот поступок перед собой.

– Даже если так, проверки бывают разные, дорогой, и не все они включают в себя увечья. Мы оба прекрасно знаем, почему ты так поступил.

Нрэн замолчал, опустил взгляд на воду. Эта безопасная жидкость никогда не смотрела на него обвиняюще, не соблазняла умопомрачительными декольте и не язвила словами.

А что принц мог сказать в свое оправдание? «Прости, любимая, я так рехнулся от ревности, что захотел убить твоего учителя. А не сделал это только потому, что он действительно хороший воин, жизнь которого более ценна, чем моя безумная ревность?»

Глупо... Ах, как глупо. Но когда он поступал разумно в том, что касалось Элии? Бог тяжело вздохнул.

– Фехтуй с кем хочешь и сколько хочешь, дорогой, – продолжила принцесса, – но моих наставников калечить не смей, иначе я и правда решу, что они никуда не годятся, и подам официальное прошение на имя короля Лоуланда, требуя назначить тебя моим постоянным учителем по оружию навсегда. Как ты думаешь, пойдет Лимбер навстречу просьбе любимой дочери?

Нрэн испуганно заморгал, осознавая весь ужас ловушки, расставленной принцессой.

– Ты не сделаешь этого, – хрипло прошептал он с мольбой в голосе.

– Пока нет, – невозмутимо согласилась Элия. – Но предупреждаю я тебя в последний раз, любимый. До встречи на Празднике Лозы!

Богиня растворилась в воздухе, а Нрэн вновь уставился на воду, разглядывая мелкие камешки на дне, слушая успокаивающий плеск струй и тщетно пытаясь обрести душевное равновесие. Кузина опять на него рассердилась. Печальные строки сами собой сложились в голове принца, и он прошептал их одними губами:

Битвы ищу я,
Изгнанник любви своей,
Будто возможно

Мечом разрубить этот
Узел из снов и страданий.

Так сидел воитель, устремив неподвижный взгляд светлых глаз на быстрые воды ручья и твердую гальку на дне, обкатанную такой кроткой и невинной на вид водой.

Отчитав Нрэна, богиня перенеслась обратно в свои покои, чтобы завершить последние приготовления к празднику. Рэт Грэй и Злат уже ждали ее в гостиной, делясь впечатлениями о городском карнавале.

Разряженный в зеленый и серебристо-серый (вовсе не похожий на траурный) бархат, атлас и шелк, шпион довольно улыбался, полируя перстни с бриллиантами и изумрудами о мягкую обивку кресла. Он явно гордился своим пышным богатым нарядом. Повод для гордости действительно был. Младший сын в пух и прах разорившегося графа дальних земель Делавас, находящийся под протекторатом Лоуленда, Рэт, благодаря удачно выбранной профессии и неустанным трудам на ее ниве, теперь мог позволить себе буквально купаться в любимых блестящих камушках.

Так что ироничная улыбка Злата нисколько не смущала красующегося шпиона. Мало ли их было и будет, таких улыбок, а камушки вечны! Шпион никогда не понимал Джея, готового убить за косою взгляд.

– Прекрасный день, королева моя дорогая! – радостно заявил Рэт, увидев богиню.

– Прекрасный день, Элия, – поздоровался Злат.

– Прекрасный день, – согласилась принцесса, принимая от услужливого пажа плащ, и обратилась к Грэю: – Как повеселился на карнавале, дорогой?

– Замечательно! – с энтузиазмом откликнулся шпион. – Таких девочек подцепил – просто мечта! Ты, надеюсь, тоже не скучала.

– Разумеется, – подтвердила богиня, расправляя последние складки на одеянии.

Злат с некоторым недоумением следил за этой легкой беседой, размышляя над тем, что он, наверное, так никогда и не поймет отношений, связывающих Элию с мужчинами Лоуленда. Вот сейчас тот, кто считался ее любовником, рассказывал о своих похождениях и новых победах, а принцесса милостиво кивала в ответ.

– Я готова, – наконец объявила женщина своим спутникам. – Можно отправляться!

Троица исчезла из королевской резиденции, перенеслась во двор замка герцога Лиенского. Главная твердыня находилась в сердце земель его буйной светлости, Лиене – одной из самых благодатных и богатых провинций Лоуленда.

Глава 6

Праздник Лозы

*Все придут на пир, лишь бы повод был.
Сладок укус на халяву, – кто-то говорил!*

Группа «Король и Шут». Вино хоббитов

*А не пойти ли нам в гости?
Ну, немного подкрепиться?
м/ф «Винни-Пух идет в гости»*

– Доброе утро. Вчера вы приглашали меня в гости. Я нагло решил воспользоваться.

– Правильно сделали. Наглость гармонизирует Вселенную.

Г. Л. Олди. Куколка

Подъемный мост был опущен. Гордые стражи в парадных доспехах салютовали подъезжающим каретам, всадникам и тем, кто прибывал, пользуясь магией, на специальную площадку для телепорта, чтобы не нарушать отлаженного движения непрерывного потока гостей. Пестрая толпа нарядных мужчин и женщин вливалась в широко распахнутые массивные ворота родового замка Лиенских. И эти врата своей инкрустацией в виде виноградных лоз из серебра и полудрагоценных камней сразу напоминали о том, чему именно Лиен обязан своей великой славой.

Толпы слуг сновали между знатью, готовые выполнить малейшие пожелания прибывших и направить их в просторный холл замка, из которого гости попадали в огромную бальную залу, освещенную ярким светом солнца, льющимся из высоких стрельчатых окон. Стены помещения были увиты свежими лозами, доставленными из владений герцога в других мирах. Тяжелые гроздья разноцветного винограда распространяли одуряюще сладкий и одновременно свежий запах, темно-зеленая листва придавала помещению неповторимый колорит. Чтобы вся эта красота не увяла до срока, ее охраняли чары вечной свежести. По потолку и вдоль карнизов тоже тянулись лозы, но уже не настоящие, а созданные иллюзией.

У одной из стен принц Кэлер деловито ощипывал сочный виноград с особо приглянувшейся ему кисти и никак не мог остановиться. Пока-то дело дойдет до ужина, а кушать принцу хотелось уже сейчас. Джей тоже украдкой дергал ягоды, просто потому, что к ним тянулись его загребущие руки.

В зале звучала тихая музыка. Гости оживленно обменивались первыми сплетнями и шутками, осторожно выясняя вопрос о том, кого Лиенский провозгласит Хозяйкой праздника. Основная масса приглашенных отиралась у столиков со сладостями, легкой закуской и винами. Эти вина и были самой веской причиной, заставившей лоулендцев явиться на праздник к сумасшедшему Элегору.

А сам организатор обязательного для Новогодья официального мероприятия, герцог Элегор Лиенский, стоял у дверей залы. В честь праздника весны, зелени, возрождения природы он был, как всегда, в черном. Но обшлага и воротник церемониального камзола покрывала богатая вышивка серебряной нитью – все те же вездесущие лозы. Кроме того, следуя традициям, молодому богу пришлось нацепить и фамильные украшения.

С приклеенной к губам сердечной улыбкой герцог встречал гостей и повторял, как попугай:

– Прекрасный день, графиня Лидис, граф Хантич! Рад вас видеть, проходите, послушайте менестрелей. Я знаю, графиня, вы тонкий ценитель искусства (особенно в постели)!

– О, герцогиня Ванесса! Счастливы лицезреть вас, прекрасная леди! Прошу в залу. Кондитер уверяет, что ему особенно удалось орешки в креме. Отведайте, умоляю (еще немного, и ни один корсет ты на себе не затянешь, жирная корова)!

Мысленные комментарии к любезностям хоть немного скрашивали мучительную церемонию приветствия.

Гости проходили чуть дальше в залу, где слуги подносили мужчинам венки из лоз, а дамам броши из листа винограда и грозди ягод – символы праздника. Хрупкие на первый взгляд украшения отличались особой прочностью благодаря заклинаниям твердости и сохранности.

Для особо почетных гостей у Элегора были припасены броши и венки из серебра и драгоценных камней. Эти украшения бог создавал в своей мастерской лично. А к категории почетных герцог причислял короля Лимбера и принца Рика по необходимости, а также, по зову сердца, своих друзей, среди которых числились Лейм и Кэлер, Элия относилась к особому разряду «леди Ведьма» и должна была получить драгоценную брошь.

Запас улыбок и вежливых фраз стремительно убывал, остатки терпения таяли, как тонкий ледок под жарким солнцем экватора, а поток гостей все не иссякал. В какой-то момент герцогу начало казаться, что число прибывающих дворян превосходит количество разосланных приглашений как минимум в пять раз. Элегор дал себе зарок обязательно «поговорить по душам» с секретарем.

А неумолимый, убеленный сединами мажордом старой закалки, доставшийся юноше в наследство от отца, продолжал провозглашать новые титулы и звания вновь прибывших, стук его церемониального жезла, увитого лозами, звучал, как молоток, вгоняющий в гроб последние гвозди. Пусть в Лоуленде и была принята кремация, но про гробы герцог слышал достаточно, чтобы сравнение упрямо лезло на ум.

Но вот, заслышав громогласное «Принц Лейм Элиар дель Элларен», герцог оживился и шагнул к дверям.

– Лейм, дружище! – Искренняя радость прозвучала в голосе Элегора впервые за последние полчаса. – Наконец-то!

– Привет, Гор, – улыбнулся принц и, оглядев друга, увешанного фамильными побрякушками, не удержался от шпильки: – Продолжаем маскарад, изображаешь Рика?

– Хоть ты бы не подкалывал, – словно пес, встряхнулся Лиенский, от чего зазвенела тяжелая фамильная цепь – виноградная лоза. – Самому противно!

Скосив взгляд себе на грудь, герцог подумал, что и впрямь похож сейчас на породистую собаку, только вилять хвостом перед гостями почему-то желания не возникало, вот если бы укусить.

Прибытие Лейма и мысленный обмен ехидными комментариями по поводу прибывающих гостей теперь развлекали молодого бога, несколько скрашивая самый нудный период праздника, который близился к завершению.

Мало-помалу поток гостей превратился в тонкий ручеек. А Элии все не было. «Неужели эта вредина сорвет мой гениальный план?» – забеспокоился герцог. Не ведая о заботах друга, Лейм веселил его презабавной историей о своем утреннем «похищении». Через десять минут тревога Элегора настолько усилилась, что он задал принцу шуточный вопрос:

– Слушай, а твою драгоценную кухню, часом, не похитили эти ужасные демоны из Межуровня? Ох, не завидую я им, бедным!

Лейм почему-то слегка вздрогнул и поспешно ответил:

– Ты же знаешь, на такие мероприятия Элия предпочитает приходить последней, чтобы никого не ждать.

– Ага, – согласился Элегор и поперхнулся следующей фразой при торжественном вопле мажордома:

– Принц Энтиор Эллиндер Грандер дель Ард!

Надеясь, что ослышался, молодой бог уставился на двери и увидел своего недруга. Энтиор в роскошном бирюзовом костюме небрежно кивнул герцогу. Сверкнула милостивая улыбка. И в этой улыбке принца Элегор увидел издевку и свое грядущее унижение. Больше всего на свете герцогу хотелось послать к драным демонам² все условности и броситься на врага с мечом в руке, чтобы стереть с лица вампира это самодовольное выражение, заставить его харкать кровью, молить о пощаде, жалеть о том, что он убил Ирилейну. Герцог скрипнул зубами, сдерживая бешенство. Он еще не настолько силен, чтобы сойтись с лордом-дознате́лем в открытом поединке. Элия права, драка только позабавит принца. Остается месть, и ее он продумает тщательно! Но пока долг Хозяина праздника обязывал его любезно приветствовать вновь прибывшего...

Но тут случилось чудо! Недаром же говорят, что чудо – это то, что неожиданно случается именно тогда, когда оно нужнее всего. Мажордом восторженно объявил:

– Принцесса Элия Ильтана Эллиен дель Альдена!

– Граф Рэт Грэй дель Делавас!

И, сверившись с карточкой, врученной ему незнакомым гостем, продолжил:

– Лорд Злат Линдер дель Ша’тиан дель Кродеорх дель Анворвальн!

– Дивная богиня! Я бесконечно счастлив лицезреть вас и ваших спутников! Лорд Злат!

Граф Грэй! – с наисердечнейшей из улыбок ринулся герцог к гостям, «случайно» не заметив Энтиора и наскоро переводя про себя титулы Злата. Получалось что-то странное и страшное.

Вежливо кивнув спутникам богини, Элегор склонился перед принцессой и запечатлел на ее руке страстный, долгий поцелуй.

– Какой вы сегодня темпераментный, герцог, – улыбаясь для толпы, ехидно бросила принцесса. – Я уже испугалась, что укусите.

– Да, собирался, – с такой же лучезарной улыбкой тихо признался молодой бог. – Но никак не мог выбрать место. Все такое соблазнительное!

Внимательно наблюдая за процедурой этикетного приветствия, в которую герцог вложил куда больше пыла, чем следовало бы, Злат в очередной раз после веселенькой болтовни с Рэтом задумался над тем, какой смысл вкладывает его очаровательная спутница в понятие «друг». И сомнения еще более окрепли, когда герцог, продолжая играть на публику, воскликнул:

– Позвольте, принцесса, я помогу вам приколоть брошь!

Самолично взяв с подноса украшение из бархатной коробочки, Элегор принялся неторопливо размещать его на небольшом кусочке ткани, прикрывающем грудь принцессы.

Зубовный скрежет и гневные взгляды мужчин, рука Нрэна на рукояти меча, завистливые вздохи дам ясно дали понять Повелителю, что эта интимная ситуация далека от типично теплого приема, оказываемого гостеприимным хозяином. Даже ироничная улыбка принца Лейма, следившего за кухней и лучшим другом, стала несколько неуверенной, а потом и вовсе поблекла под гнетом сомнений.

Когда-то после учебы в Сейт-Амри юноша прямо спросил у друга о его отношении к Элии. Элегор несколько раз повторил, что не питает к богине страсти. «Да я скорее в мантикору влюблюсь, чем в твою милую кухню», – честно признался герцог Лиенский роман-

² **Дранные демоны** – распространенное в мирах почти приличное ругательство. Своего рода эвфемизм, соотносительный с русским «блин».

тичному принцу, чем снял изрядный камень с его души. Ведь ревновать друга к любимой для Лейма было очень мучительно.

Но сейчас терзания ревности вернулись вновь. Нет, конечно, юноша вовсе не считал Элегора лжецом, но по опыту знал, как прихотливы пути любви. «Бывает, что время идет, ты живешь и ни о чем не подозреваешь, а потом вдруг однажды понимаешь, что уже давно любишь ее и не можешь жить без этой любви», – так печально рассуждал юный романтик, пока его друг ломал комедию.

«Заканчивайте же наконец, герцог, все, кто мог разозлиться, уже бесятся вовсю. Вы переигрываете!» – мысленно рекомендовала принцесса Элегору.

– Вы находите, леди Ведьма, или просто боитесь, что я уколую вашу несравненную грудь специально заточенной для такого случая отравленной булавкой? – по-мальчишески ухмыльнулся Элегор.

– Попробуй, а я наступлю тебе на ногу, – нежно улыбнулась принцесса Элия. – И тебе, милый, представится шанс проверить, не отравлены ли мои каблукки.

Покосившись на острые каблукки туфельек, Элегор решил не испытывать судьбу. Он быстро приколол брошь и, предложив богине руку, заявил во всеуслышанье:

– Пройдемте, ваше несравненное высочество. Все гости в сборе и пора начинать Праздник Лозы!

Демонстративно игнорируя последних растяп, задержавшихся с прибытием (ну не здороваться же еще и с ними!), герцог подхватил даму под руку и повел в залу.

– Пошли и мы, – хмыкнул Рэт, ткнув Злата локтем в бок. – Чего стоять-то и зубами скрипеть. Элегор сегодня Хозяин праздника и имеет право выбрать себе в спутницы любую даму, наплевав на кавалеров, с которыми она прибыла. И почему-то сдается мне, что парень решил выбрать Элию. Хороший выбор, принцы просто взбесятся!

Потерявший дар речи от наглости герцога (как он вообще посмел увести его даму!) Злат молча последовал за неунывающим Рэтом. Шпион уже высматривал в толпе девочку посимпатичнее.

А распорядитель праздника, сменивший седовласого мажордома, громкоголосый юноша, похожий на зеленого павлина, объявлял:

– Леди и лорды! Праздник начинается! Его светлость герцог Лиенский приглашает вас в сад!

Слуги в зеленых ливреях, расшитых лозами, распахнули вторые, доселе закрытые массивные двери залы, ведущие во внутренний двор. Музыка, ненавязчивым фоном звучащая в помещении, смолкла, зато мелодию «Приглашение к чуду» заиграли менестрели в саду, там, где на траве под тентами были установлены столы с яствами и вином.

Толпа, следуя приглашению Хозяина, потекла во двор, мощный гладкими белыми плитами, и дальше, на зеленые лужайки, засеянные эльфийской травой виэсальтэ, не теряющей своей свежести круглый год и способной выдержать топтание множества ног.

Первое дыхание весны коснулось уже всех уголков лиенских садов, пусть не таких огромных и экзотических, как Сады Всех Миров, но по-своему прекрасных, с цветущими фруктовыми деревьями и кустарниками, нежной травой, лозами лучших сортов винограда. Именно здесь, под открытым небом, должен был начаться Праздник Лозы.

Когда все гости собрались в саду, Элегор торжественно обратился к принцессе Элии:

– Великая богиня, прошу вас удостоить мой дом высокой чести и согласиться быть Хозяйкой Праздника Лозы!

Разочарованно вздохнули дамы, которых не покидала надежда на то, что до сих пор неженатый герцог попросит об этой чести какую-нибудь из них. Но экстравагантность выбора Элегора не удивила, скорее уж знатоки и поклонники традиций вздохнули с некоторым облегчением. Пусть лучше, окончательно обнаглев, парень предлагает в Хозяйки прин-

цессу Элию, чем опять, как в прошлом году, проститутку с улицы Грез или, того хуже, любовницу-рабыню из миров, как десяток лет назад.

В этот год Элегор хотел, чтобы Хозяйкой праздника стала Ирилейна, нежная, гибкая, как сама лоза, и сладкая, как зрелый виноград, девушка-актриса, но ее убил ублюдок Энтиор. Герцог не желал искать новую женщину, которой он мог бы доверить роль Хозяйки, вот тогда Элегор и подумал об Элии. Такой выбор мог здорово разозлить многих и конечно же Энтиора!

Вот поэтому, стоя в саду Лиена, герцог произнес древние слова приглашения и мысленно добавил: «Ну, соглашайся, леди Ведьма, у тебя самое подходящее платье!»

Сопоставив черное одеяние герцога, расшитое серебряными лозами, и свое платье того же оттенка черного с таким же узором, Элия не сдержала улыбки.

«И такой шанс позлить всю эту надменную компанию», – продолжал соблазнять принцессу Элегор. В его серых глазах плавилась золотые искорки смешинки.

«Ах, герцог, искуситель, ни в чем не могу вам отказать», – фыркнула в ответ принцесса и, милостиво кивнув, объявила:

– Я согласна, Хозяин праздника!

Менестрели заиграли «Заманчивый выбор» (весь репертуар герцог заранее обговорил с музыкантами).

Распорядитель праздника объявил:

– Хозяйка избрана!

Элегор хлопнул в ладоши, и к нему приблизился юный паж с тяжелым резным ларцом. Стоит ли говорить, что резьба тоже повторяла мотив лоз. С поклоном мальчик протянул свою ношу господину. Под мелодию «Даров желанных» герцог открыл ларец и торжественно возложил извлеченную оттуда серебряную фамильную диадему с изумрудами и бриллиантами на голову прекрасной богини.

«Щенок, мальчишка, что ты себе позволяешь!» – зло думал Нрэн, с бессильной ревностью следя за происходящим. Воину безумно хотелось снести мечом бесшабашную голову герцога, чтобы в другой раз тот лучше думал, за кем волочиться. Тот факт, что безголовый герцог думать не сможет вообще, а Элия будет просто в бешенстве после испорченного праздника, пока останавливал бога. Он ведь только слегка поцарапал этого Итварта, а как рассердилась кузина. Нет, вызывать ее гнев Нрэну решительно не хотелось.

– Что здесь, тьма побери, происходит? – процедил Злат, обращаясь к Рэту, но того на прежнем месте уже не оказалось. Грэй поспешил смыться, присмотрев себе подружку по душе. Зато рядом «неожиданно» оказался Джей. Принц услужливо подхватил:

– И не говорите, лорд Злат! Этот мальчишка совсем зарвался. Какова наглость: провозгласить Элию Хозяйкой праздника!

В это время под нежную мелодию скрипок появился еще один юноша-паж со свежей лозой и принялся старательно опутывать импровизированной «веревкой» протянутые руки Элегора и принцессы.

– Что все это значит? – требовательно спросил Повелитель Межуровня, пока еще слабо ориентирующийся в происходящем, но полный самых черных подозрений.

– Неужели Элия ничего не рассказала вам, лорд, о Празднике Лозы? – несколько делано изумился Джей. – Что ж, позвольте мне исправить эту ошибку. Я не слишком хороший рассказчик, но все же плохой рассказ лучше, чем никакой.

Нетерпеливый взгляд Повелителя оборвал словесные выкрутасы бога, и тот приступил к изложению информации:

– Праздник Лозы – один из самых старых в Лоуленде и мирах, ведь виноград считается одним из первых даров Творца живым. Символика и обычаи этого праздника уходят корнями в глубины тысячелетней истории Мироздания. Хозяин и Хозяйка первоначально были

Жрецом, олицетворяющим Повелителя Земли, и Жрицей, символизирующей саму Землю. Их единение, опять-таки с символической точки зрения, рождает новую Жизнь. А символы, как понимает лорд, принято овеществлять. Вот сейчас Хозяина и Хозяйку повенчали лозой. Теперь они считаются обрученными на весь период праздника. – В менторском тоне принца прозвучали плохо скрываемые досада и ревность.

– И, как я понимаю, кроме символического смысла, это обручение имеет и другие последствия? – холодно любопытствовал Злат, стараясь сдержать свое бешенство.

– А как же, – зло оскалился Джей. – Хозяин и Хозяйка праздника совместно выполняют ряд обрядов, танцуют большинство танцев. Жрицу нельзя приглашать, она сама выбирает себе пару. Но это все мелочи, подождите до конца праздника, лорд, и увидите нечто гораздо более интересное.

– Что же? – выгнул бровь Злат.

– Там, за деревьями, где начинаются виноградники, – бог кивнул в сторону далеких разноцветных флажков, трепещущих на ветру, – шатер, где Хозяин и Хозяйка праздника должны будут совершить ритуальное благословение Лозы, одаряя ее частью своей силы. Мне не нужно подробно разяснять вам технику благословения?

Чуть отвлекшись от собственных переживаний, таких новых, весьма необычных и очень неприятных, Злат заметил, что принц буквально кипит от едва сдерживаемой ярости, и понял, что разделяет чувства бога.

Повелитель Межуровня очень пожалел о том дне, когда, желая позабавиться, позволил пройти к Звездному Тоннелю Межуровня некоему бесшабашному пареньку, на котором оказались амулеты, подаренные им по мимолетной прихоти некой девушке. Да, не мелких церберов границ нужно было спускать на него, а охотников покрупнее. Погоняли его тогда, позабавились, но выпустили живым. «Зря, – решил Злат. – Впрочем, никогда не поздно исправить ошибку. Ведь герцог Лиенский не является членом семьи принцессы, и клятвы насчет сохранности его здоровья я никому не давал». Эти выводы успокоили Злата.

– Вот такой у нас шутник и забавник герцог Элегор. Забрал бы ты его к себе в Межуровне для развлечений, что ли? – предложил принц и, нахваливая жертву, заметил: – Он шустрый и живучий.

Повелитель Межуровня только неопределенно хмыкнул в ответ на это великодушное предложение. Пожав плечами, Джей понял, что его рекламная акция не удалась, и печально пробормотал:

– Ну не хочешь, как хочешь.

А герцог Лиенский лучезарно улыбался гостям, нежно придерживая за руку Элию. Элегор был просто счастлив: даже ему, признанному баламуту, редко удавалось вывести из себя такое количество важных персон одновременно. Злились принцы, многочисленные поклонники богини любви и все хоть сколько-нибудь мнящие о себе красотки, питавшие глупые надежды относительно совмещения места Хозяйки со своей персоной. Менестрели вдохновенно играли мелодию «Избранница навсегда». Герцог мысленно похвалил себя за великолепно подобранный репертуар и сделал знак рукой. Музыка стала значительно тише. Смолкли и разговоры гостей.

Элегор торжественно провозгласил от имени Элии и от себя лично:

– А теперь мы приглашаем короля Лимбера, принца Рикардо – Покровителя Виноделия, принца Кэлера – Покровителя Пиров и принца Лейма – Покровителя Всего Живого принести первую дань Лозе, испить старое вино в честь нового урожая.

Все вышеперечисленные кивнули, принимая приглашение. Под мелодию «Лиен благодатный» сквозь расступившуюся в почтительном молчании толпу гостей избранные последовали за Хозяином и Хозяйкой в глубь сада, к виноградным лозам, оживающим после краткого осеннего отдыха. (Минувшая осень в Лоуленде была очень теплой, и лозы не пришлось

даже укрывать, снимая со шпалер, как пятнадцать лет назад.) Принцесса слегка левитировала, чтобы острые каблуки не увязали в рыхлой, влажной после ночного дождя почве.

Выбрав нужное место, Элегор остановился и, подождав, когда к нему присоединятся остальные участники церемонии, извлек из воздуха серебряный поднос с запыленной прохладной бутылкой темно-зеленого стекла и пятью хрустальными бокалами на тонких ножках. Оставив поднос висеть на уровне пояса, герцог занялся бутылкой «Сладкой страсти». Сноровисто – сказывалась многолетняя практика – молодой бог пальцами вынул из бутылки пробку и аккуратно разлил по бокалам драгоценный напиток.

В полном молчании приглашенные разобрали бокалы, Хозяину и Хозяйке, согласно традиции, пришлось взять один на двоих. Вдохнув аромат напитка, боги пригубили вино. Элегор сделал несколько глотков и передал бокал принцессе. Ехидно бросив мысленную реплику: «Надеюсь, вы не заразны, герцог», – принцесса допила свою долю под не менее ехидный ответ Элегора: «Даже если и так, дорогая Хозяйка, то, согласно древней пословице, зараза к заразе не пристает, пейте смело!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.